

НЕБО
ПОД РУКОЙ

A movie poster for the Russian film 'Небо под рукой' (The Sky Is the Limit). The image shows three young men in military gear, including backpacks and rifles, looking out over a futuristic city. The city features tall, spire-like skyscrapers, a body of water, and a complex network of red, vein-like structures in the sky. Several flying vehicles are visible in the air. The scene is set during a sunset or sunrise, with a warm orange glow. The title 'НЕБО ПОД РУКОЙ' is written in large, glowing blue Cyrillic letters at the bottom, with a blue energy-like line passing through the letter 'О'.

Егор Лоськин

Небо под рукой

«Автор»

2026

Лоськин Е.

Небо под рукой / Е. Лоськин — «Автор», 2026

Трое друзей, досиживая последние дни выпускного класса, решают прогулять урок, и неожиданно сталкиваются с девушкой, полностью занявшей их разум. Едва приведя мысли в порядок, на следующий день с удивлением обнаруживают поступление той же незнакомки Алёны в их класс. Любовь нечаянно нагрянула окончательно, молодые люди изо всех сил пытаются усидеть на двух стульях – добиться от Алены взаимности и сохранить дружбу.

Однако, вследствие различия темпераментов, разногласия множатся с каждым днём, что в конце концов приводит их к ссоре и драке на выпускном. В момент разгара страстей рядом бьёт молния, и все участники любовного квадрата проваливаются в различные и совершенно необычные местности. Алена попадает прямиком в руки надзорных органов, Андрей в тепловой реактор, а Костя и Сергей в огромную тёмную пещеру. Дальнейшие усилия ребят посвящены получению боевых навыков под руководством нового друга, и сближению ради единственной для каждого цели - завоеванию чувств девушки.

© Лоськин Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Лоськин

Небо под рукой

- 1 -

«О почтенная и глубокоуважаемая барышня Алена! Если помните, тот самый глупейший из преданнейших холопьев Ваших честь имеет челом бить в ожидании выслушивания. Хоть и недостоин ногтика на мизинчике Вашем наипрекраснейшем и во веки веков невиданном, не велите казнить! Ибо все содеянные Вашей милости хлопоты из тоски душевной только, и исключительно лишь по вине головы пустозвонкой и отсюда глупой, кою впору остричь и отослать в монастырь. Посему наинижайше прошу меня простить и выслушать. Надеюсь, в лучшем варианте письмо сие найдет Вас в родовом имении, или, на худой конец, в нашем пыльном городишке; однако тешусь ожиданием и одномоментно маюсь маленьким страхом, что довелось Вам попасть и в здешние края. Лучше бы, конечно же, передать Вам все на словах в персональной аудиенции, которой жду с нетерпением и отчаянием, а так же безмерной робостью. Н-да, так накосячить-то, забоишься тут... Для полной Вашей ясности опишу в двух словах собственные перемещения по непонятной пока местности. Сразу опосля нашего с Вами (и ними) скоропостижного природного расставания очутился я в маленькой жаркой апельсиновой республике, где пробыл недолго. Местные гостеприемщики дали напиться вволю живой водой тамошнего родника, и позвали неких монахов для показывания мне убогому всяческих местных достопримечательностей, коих было не так много. Сразу из республики на волшебной карете без окон и дверей прокатили до пункта регистрации всех чужеземцев. На сем добрые молодцы передали меня другим людям, еще более добрым, но немножко занятым. В томительном ожидании весточки про Вас, о душа моя, провел я многие часы и минуты, никем неприкаянный. Но монахи того же ордена, любезно выслушав скорбную повесть о прожитых непомерных странствиях, уложенную в

пару-тройку слов, проводили в следующую карету, пообещав полнейший рай на земле. А перед самым отбытием почему-то забыли мою нижайшую персону на привокзальной лавочке; пошел я по коридорам в поисках водицы, а они тут как тут! Слава богу, наставили на путь истинный, да дорогу под руки указали. Так и случилось мне оказаться в каком-то длинном поезде из множества сообщающихся круглых вагончиков, наравне с бесконечностью других путников, уставших, как и я. А виды на них, о уважаемая, прелюбопытные. Сидит наше братство в две шеренги друг лицом к другу; напротив смиренного раба Вашего устроился какой-то небритый недоумок, постоянно пытающийся сложить бранные ножные кости прямо на мои натруженные лапти. Однако, после короткой нашей с ним беседы о философских течениях и способах вербального воздействия, пономарь сей делает это гораздо реже и скромнее. Не грустя долго, он, тем не менее, нашел более приемлемые для своего скудоумия темы в разговоре с соседом справа. Наверняка это просто давно странствующий собиратель местного фольклора, так как беседа его изобилует выражениями, мне неизвестными – лишь благодаря громадным лингвистическим навыкам понимаю, о чем речь. Одет он, между прочим, весьма неказисто: насколько может быть грязным черное рубище, да обмотки на ногах необычайного вида. Нет, наверняка это просто обувь. Сосед, однако, не всегда согласен с оппонентом, и изредка норовит дать собирателю в глаз. Наверняка, о многоуважаемая Аленушка, интересней Вам будет описание соседа слева от моего соседа. Счастье мое, что тварь сия не сидит напротив, потому как человеком это существо назвать трудно – больше напоминает злобного бегемотика небольших размеров. Вроде как имеется по две ноги и руки, но кожа на всех видимых частях словно не менялась последние десять лет, и все лицо со стороны выглядит как один большой натоptyш. И глазки такие маленькие, как у того казначея, и добра в них не водилось

никогда. Фольклорист, увлекшись задираньем соседей, попробовал было поддеть бегемотика, но тот в ответ вроде бы ничего и не сделал... А вот ноги я сразу подобрал под себя, потому как всплыл неплохой шанс остаться без оных. Обиженный медленно вытянул шею сантиметров на восемьдесят, развернув лицо прямо на соседского бомжа, и расширил глаза на пол-лица (наверное, зрением страдает бедолага), да так, что зрачки исчезли. Вы наверняка есть в курсе моих способностей стойко переносить невзгоды неприятного плана, но полнейший на веки слуга Ваш опять порадовался отсутствию столь всеми любимого лица в сем детском паровозике радости, где окружающие раскрашены под интересных своей новизной клоунов. И словно бы они из одного все цирка. Не удивляюсь, что тот прогорел, и ужасная толпа скопом поехала смотреть те же места, что и ничтожный раб Ваш. Дополню картину одной деталькой: вся округа на период сего странного маневра замолчала и попрятала глаза. Все, кроме меня и еще одного – доброго человека с седоватой стрижкой по местной монашеской моде и примерно таким же выражением лица. Мне-то, хоть и боязно (особенно когда телескопический удалец зашипел аки противогаз), а интересно до жути; словно чеснок в шоколаде! А седоватый просто смотрел. Ну, обошлось – никто никого не сожрал, даже не убил. По сему везению и пишу Вам письмо, потому как неизвестны удача и возможность поговорить лично. Философ – фольклорист теперь тише воды, ищет с кем бы поменяться местами. Но, насколько мне удалось понять, в этом веселом трамвайчике для отпускных и демобилизованных все места на берегу распределены неким негласным рейтингом. Верхушкой пищевой цепи можно считать нечто вроде местного авторитета: толстый коротыш, сидящий на почетном ящике сразу после дверцы, отделяющей наш коллектив от появляющегося изредка глаза охранника (дело в том, что почтеннейший пастор сопровождения дремлет, и глаз продирает только на местных ухабах, почти не встречающихся). Колобок пытается напустить на себя фуриозный вид, постоянно трепля языком с сидящими ниже подручными. Иногда они пытаются смеяться, но чувство собственной офигенности превращает этот благородный звук (ах, вспоминаю Ваш смех и в душе таю от умиления!) в подобие свинячьего хрюка. При этом они с повелительным акцентом оглядывают территорию вагончика, видимо в поисках несогласных. Пытался слушать – речь их скудна, как колючки саксаула. Еще не покидает чувство, что человечешка, мнящий себя божком, либо знаком с Дремлющим Оком, сидящим за дверью, либо тот у него на зарплате – в момент очередного праздника продирающего глаза почтенный пастор то ли кивнул, то ли моргнул царьку – не могу сказать уверенно, потому как начал думать про последнего всякую пьяную гадость, ибо есмь он просто в стельку. Я бы принял все за издевательство над конвоиром, но, в конце концов, он мило улыбнулся сидящим у двери и махнул большим пальчиком – к чему бы это? А минут двадцать назад эти выродки ни с того, ни с сего напали на лохматого красноглазого верзилу совершенно дикого вида – тут-то мне и улыбнулось полюбоваться так редко встречающимися в природе коническими зубами. Парнишка оказался неробким и вовсе не мелким, и за притеснение личного пространства невежливо попросил недругов вернуться на исходные позиции. Так я узнал несколько новых слов, обогативший мой лексикон, что весьма должно пригодиться в местном санатории, ибо поселение сие, похоже, сплошь набито такими же пузатыми грязнулями. Началась непринужденная потасовка; однако местный царек со служками не заметили кучки таких же мохнатиков в самом углу. Первые три тела пролетели мимо, ряды сторон ежеминутно множились – кажется, были задеты тайные струны большинства членов коллектива. Когда же один из служек начал грубо пинать сидящих с космически непонятными призывами «спасать систему от лохматых», я уже подготовился на планируемое столь грубое с моей нежной и интеллигентной персоной обращение ответить легкой засадой. Но тот самый загадочный странник с проседью, поймав мой взгляд, вроде бы невзначай бросил любопытную сентенцию «не суйся». Посчитав за благо воспользоваться советом (даже не знаю почему), я храбро и смиренно пропустил обязательный пинковый призыв царского холопа, благоразумно затаившись. Спешу заметить, что вовсе не трусость двигала мною, а только исключительно

любопытство – а что же будет, если я сделаю не как всегда? Пока ничего. Две враждующие кучки расселись по разным сторонам вагона (смешно, что удаление сторон всего лишь метра полтора), вокруг своих вождей, с которых все и началось. По центру осталось только трое: монашеский странник, тот самый заскорузлый дьявол (похоже, того есть за что бояться), да все еще не сошедший с ума, искренне Ваш, Андрюшка Сидоров... На сем прошу меня простить, о дражайшая Алена, внезапная остановка нашего паровозика вынуждает прервать первое письмо из цикла «в поисках моего прекрасного». А если отбросить высокий стиль, которым так бестолково пытаюсь злоупотребить, то останется та же голая правда: люблю, скучаю, а с ума сошел давно, и все по тебе. Найти бы только тебя, поскорее. Да и друзей моих бывших тоже... Пока что эта пауза на пользу. Таймаут. Не затянулся бы... Ладно, не будем о грустном. Тем более что наш движущийся шарик стоит уже с десятков минут и дальше ехать не желает. Да и странник, до сего притворявшийся дремлющим, чего-то смотрит на меня, пока остальные галдят, как вороны на помойке. До встречи, Аленушка».

Краткость – сестра таланта. Андрей, откинув голову, оглядывал толпу оборванцев, громко и беспорядочно обсуждавших причины остановки. Незнакомец не отрывал взгляда, словно пытаясь что-то сказать. Наконец, Сидорову надоел этот немой призыв.

- Что? – он твердо посмотрел тому в глаза.

Пользуясь сумятицей, сосед пересел на пустующее справа от Сидора место. Помолчав немного, тихо спросил:

- Ты как сюда попал?

И голос, и тон незнакомца располагали. На фоне дикости окружающего тюремного пейзажа Андрей был рад поговорить с кем-то, внушающим хоть немного доверия. По крайней мере, была возможность хоть немного прояснить крайне непонятную ситуацию, и скоротать время до окончания этого недоразумения.

- Добрые люди подобрали, поболтали немного и проводили сюда.

- Не ерничай.

- Так и было. Все в черном, как из одной банды. И все добрые. Точнее, им было все равно. Незнакомец улыбнулся.

- Из школы-то давно?

- Да недели нет. Надеюсь... А Вы почему спрашиваете?

- Интересно, - оглянувшись, он пожал плечами, - вид у тебя слишком неместный.

- Да Вы тоже на зэка не сильно похожи.

- На кого?

- ЗКа, заключенный.

Незнакомец посмотрел на него, немного приподняв правую бровь.

- У меня не первый поход сюда. Ты что ж, прямиком с занятий загремел?

- Нет. Успели выпускной отгулять.

- Какой выпускной?! Еще учебный год не закончился!

- Не знаю, как на вашей планете, а у нас уже лето и каникулы.

Незнакомец снова с удивлением оглядел Сидорова.

- Бред какой-то... Ты не из узла случаем?

Андрей тупо похлопал глазами, тоже встретившись с неизвестным термином. Прожитая не так давно история встречи с Санчо и Доном Кихотом, сдавших пришельца сотрудникам местного правопорядка, повторялась до мелочей – благо тащить в тюрьму уже никто не будет. А мужик, похоже, постепенно принимал его за инопланетного мистификатора-иллюзиониста. С ужасом осознав поворот ситуации, Сидор поспешил развеять сомнения собеседника:

- Не-не, не подумайте, я не дурак!

- То, что ты говоришь, и есть первый признак этого.

Сосед, критично покачав головой (видимо, своей неосторожности), замолчал. Сидоров начал лихорадочно соображать, как восстановить нужный контакт.

- Отчасти разве что... Я словно в другой мир попал. Извините, но я ни черта тут не понимаю. Закончили школу, после выпускного пошли гулять... Провалился куда-то, летел, потом в каком-то оранжевом коридоре подышал от жары. А в конце пришли те самые добряки и без песен и оркестра проводили сюда. И кто бы мне объяснил: за что?!!

Мужик задумчиво огляделся, почесывая небритый подбородок; Андрей, как бывалый боец, отметил крепкий тяжелый на вид кулак с набитыми костышами – собеседник явно не был так прост. После недолгой паузы он снова обернулся.

- Падал, говоришь... Странно как-то. Одежда, слова... Тебе на вид не больше восемнадцати, по всем кодексам тебя должны были посадить с малолетками. А ты здесь. За что сидишь?

- Не знаю. Правда, не смейтесь. Я не делал ничего противоправного.

- Это нынче необязательно для посадки. Достаточно оказаться не в то время не в том месте, или не иметь нужных связей. Надзор (кстати, те самые добрые люди в черном) сейчас много странных вещей делает. Тебя сканировали? Ну, приборчиком вокруг водили, неуч?

- Было.

- Что говорили? Какие-нибудь цифры называли?

Андрей подумал немного – стоит ли доверять очередному встречному? Впрочем, если бы «они» захотели узнать что-то новое, то придумали бы что-то лучше; он всего лишь может повторить то, что говорил следователю, на скорую руку заполнившему пару бумажек перед отбытием. Так что – можно. В нескольких словах он поведал историю пребывания в участке. Настала пора задуматься новому соседу.

- Н-да, наши остолопы совсем страх потеряли. Ни сортировки, ни должной охраны, - немного печально произнес он, - ладно, напряжем память... На инима ты не сильно похож. Наки?

- Что? Какие еще наки?

- Понятно. Чужой, разновидность неизвестна, - он словно говорил сам с собой.

- Во-во, вспомнил! Так они и сказали после того, как приборчиком поводили!

Незнакомец вновь оглядел его; но на этот раз в лице мелькнуло что-то жесткое, давным-давно забытое и похороненное тоннами жизненных неприятностей.

- Я что-то не то сказал?

Собеседник хранил молчание, отвернувшись. Было похоже, что Сидоров ассоциировался в седой голове с неприятной тенью из прошлого. Андрей тихо вздохнул, снова откинув голову назад – контакт с внеземным разумом не удался. Ладно, не беда, хоть и жаль. Зато можно вновь вернуться к своим мыслям – это гораздо приятнее, чем пейзаж вокруг. С самого кисло-сладкого начала, незадолго до начала мистики и происходящих головокружительных событий...

Смешно и грустно вспоминать, что еще несколько месяцев назад жизнь была совершенно другой – равномерной, предсказуемой, легкой и безоблачной. Вяло подумывали, чем убить время, не пора ли к экзаменам подлатать пробелы. Но все поменялось так стремительно, что вот эта тюремная минутка в тишине первая, когда можно попытаться проанализировать то, что случилось до провала. Хватит уже переживать собственные ошибки и глобальные промахи, пора хорошенько обдумать настоящее. И, главное, придумать План Невозможного – как умудриться помирить всех рассорившихся на берегу, склеить разорванные части своей души, без которой не живет и не существует. Прошлое представлялось сейчас лубочной сказкой, которую так приятно начинать читать прямиком с оглавления. Сидоров, закрыв глаза, решил промотать назад – с времен, когда трава была зеленее, а вода особо мокрой. С весны, которая поменяла все... Помнится, задремал на уроке литературы – так и растекся по парте, ментально переместившись в нирвану, где впервые увидел чьи-то прекрасные глаза...

- Сидоров, Вы в порядке? – ненавязчиво справилась о состоянии внезапно подскочившего от дружеского тычка Мария Петровна.

- Все хорошо, спасибо... Гвоздик в стульчике. Простите.

Она слегка кивнула в ответ (с вами все ясно), возвращаясь к теме. Выждав несколько секунд, Сидор обернулся к подлому нарушителю спокойствия - высокому атлетичному молодому человеку неброской славянской наружности и сбившейся волнистой прической чепцом. Стараясь быть менее заметным, тот поджал колени под стол и сгорбился, что в общем создавало картину переростка в детском саду.

- Петро, ты не жилец на перемене! Ладно сдавать меня, но будить-то зачем?!!!

- Это мы еще посмотрим, - спокойно улыбнулся Сергей, расправив плечи.

- Ничего, я резервный полк вызову на помощь.

- Боюсь, Андрюх, твой полк в загуле, и мы его нескоро увидим. Полюбуйся!

Оба сосредоточили внимание на второй парте левого ряда. За ней сидела парочка: девушка, вздрагивавшая от смеха копной золотисто-рыжих волос, и юноша делоновской внешности, с терпеливой настойчивостью шептавшего ей что-то в ухо.

- Ты посмотри-ка, хихикают!

- Костик, похоже, решил напоследок Ольгу закадрить, - констатировал Сергей открытие очередного любовного фронта их друга, Кости Иванова, - вот куролес!

- Слушай, Серго, заморочает девчонке голову! Может, ему уши обрезать?

- Н-да, этот может. Уши-то, пожалуй, перебор, но... Надо принимать меры, однозначно.

Шипеть через весь класс бессмысленно - слишком далеко. Друзья решили взять помощь зала: быстро накропав на клочке бумаги несколько строк, выражавших тревогу и озабоченность, а также содержавших рекомендации и предложения в доступной форме (в заключение приводился короткий перечень возможных санкций), Петров сложил рекламацию и передал через соседей Косте. Письмо достигло адресата в считанные секунды. Отвлечшись от шепотков, он быстро пробежал бумажку глазами и, усмехнувшись, повернулся к друзьям. В подтверждение изложенного Петров показал Казанове увесистый кулак. Тот, не задумываясь, в ответ медленно и со вкусом выложил фигуру из трех пальцев, возмущившую их до глубины души, и опять приступил к охмуряющим процедурам.

- Пациент не реагирует на лечение, - констатировал наплеватьство Константина Сидоров, - придется использовать электрошок.

- Согласен, коллега, - кивнул Петров, - девять минут до конца урока. Есть время обсудить план отлучения змия от женщины... Какие будут идеи? По яблочку, может?!

- Думаю, здесь только клин клином! Надо кого-то вместо нее подкинуть, чтобы аппетита не хватило ни на ту, ни на эту. Тогда угомонится.

- Кого? – поразмыслив пару секунд, продолжил мысль Петров, - он уже со всеми в классе шуры-муры разводил!

- А Верка?

- Брось... С ней он еще во втором рюкзаками бился! Прочитанная книга.

- Давно, - неуверенно прошептал Сидор, пожав плечами, - забыл уже, наверное.

- Он-то точно. Она вряд ли.

- Ну, а кто тогда?!

- Может, Натали?

- Неее. Она в шестом была.

Оба друга, потирая разные части головы, пытались решить нескладную головоломку – как спасти очередную жертву от минотавра, за последние десять лет слопавшего не одну и не две.

- Придется использовать единственный способ, - заключил Петров, - внушение.

- Маловероятно, - хмыкнул Сидоров, - надо как всегда, грубым, быстрым и безжалостным натиском.

После этих слов прозвенел долгожданный звонок. Мгновенно подхватив книги и сумки, ребята рванули к еще витающей в облаках второй парте слева.

- Оля, привет! – дипломатично начал мягкое вступление Сергей, но раскошегаренный паровоз в виде Сидорова мчался напролом:

- Костян, с вещами на выход, и держи панталоши покрепче!!!

Ловелас хмыкнул и начал неспешно складывать в портфель учебники. Петров, вовремя припрятав остатки дипломатии, был вынужден перейти на агрессивную волну Андрея.

- Мы в коридоре, - веско добавил он, прихватывая пышущего решимостью соседа по парте и увлекая его к выходу.

Школьный коридор, словно шлюз после открытия ворот, быстро наполнялся разновозрастной ребятней. Сразу после звонка мирно висевшие 45 минут шторы всколыхнулись и завертелись от буйного ветра, поднятого просвистевшей с невероятной скоростью стайкой перwokлашек; затем мелко завибрировали от визгливых голосов организованно продвигающихся к очередным кабинетам учащихся 6-8 классов. И, наконец, дернулись и застыли от спокойных и низких частот старших классов... Пропустив целых три подоконника, Сергей причалил к четвертому; скинув сумку, Андрей привалился рядом. Оба начали сверлить глазами двери кабинета, из которого должен был выйти подследственный; проход в нужное помещение, между тем, начал быстро заполняться молодой безбашенной порослью в виде восьмиклашек. Они стройной стаей, вылетев из одного кабинета, в самый нужный момент достигли другого – того самого, который вот-вот должен был произвести на коридорный свет возмутителя.

- Ну, где он там?! – первым не выдержал Сидоров, оторвавшись от подоконника и засунув руки в карманы джинсов.

- Терпение, Андрюх, терпение, - философски молвил Петров, - никуда не денется. А даже если уйдет, то вернется еще до физики.

- Терпение – материя мутная и поэтому мне недоступная, - мимоходом бросил Сидоров, - ага, вот и клиент. Шашки к бою!

Едва поравнявшись с друзьями, Костя вполголоса произнес шедшей рядом девушке:

- Мадемуазель, надеюсь, физику мы проведем вместе! А сейчас прошу извинить: пара неотложных дел требует моего присутствия у того окна.

Она в ответ лишь немного жеманно улыбнулась, бросив короткий взгляд на мрачно-решительные лица стоявшей впереди «пары дел». Одно из дел незаметно поманило причину пальцем.

Ольга быстро вошла в кабинет физики, на ходу панически переваривая информацию – что же с ней происходит, в конце концов?! Вроде знаешь человека с первого класса, бегаешь в одну столовку, потом на соседних лыжах, потом передаешь его записки другим девчонкам (чего греха таить - почитывали); и вдруг вот так – рrrrrраз, и он уже примерно тот самый на белом коне. И так превращение случилось незаметно... Во втором классе вместе с подружками бегала подглядывать, как Иванов тащит чей-то портфель, в душе немного завидуя избраннице – слишком многие хотели быть на ее месте; парнишка был весьма заметный, в отличие от своих друзей (хотя и те не особо страдали от мнимого юношеского уродства и отсутствия внимания женской половины). В средних классах бурно обсуждался его роман с Наташкой, но тогда она болтала о нем совсем не как о реальном, настоящем человеке, который сегодня так внимательно смотрел в глаза (от чего мурашки периодически успешно топорщили волосы на затылке), а скорее как о местной поп-звезде, похождения которой быстро оказываются достоинством папарацци. А сейчас... Мысли то и дело терялись от мельтешащих в голове впечатлений. Он таааак говорит! От него настолько вкусно пахнет, аж готовый обморок в горле! И, когда говорит, не сводит взгляда – а внутри какие-то такие зовущие огоньки, от которых таешь,

как мороженое. И кажется, что читает все твои мысли и видит полную душевную сумятицу, и умело это использует, заставляя сбиваться, краснеть, смущаться, выдавливая какие-то жалкие смешки.

Тем временем у засадного подоконника наконец-то состоялась встреча с дичью.

- В чем дело, господа? – нараспев начал Костя, аккуратно ставя портфель на подоконник; он еще не успел расстаться с впечатлением о прекрасно проведенном уроке литературы, поэтому сохранял немного поэтичные интонации.

- Слушай, белая кость контрреволюции! Да ты хоть петришь, что делаешь? – моментально спустил заготовленный воздух Сидоров.

Петров, задрав брови на ссылку, тихо хмыкнул:

- Любопытно сформулировано, - и тут же громче, с подобающей ситуации строгостью, добавил, - Кость (белая), общественность недовольна!

Немного растерявшийся от бурного наскока (хоть в голосе друзей и звучал подвох), Костя решил все же уточнить причину недовольства общества.

- Эт чем же?

- А тем, что некий шутничок решил невинной даме голову поморочить в свое неясное перспективами удовольствие!

- Опусть плечики, Кость, ты же понимаешь! Зачем на Ольгу бросился? Мало девчонок одурачил?

- Пойдите, пойдите! – возмутился Костя после осознания темы дебатов, - что обозначает ваша дефиниция «одурачить»?!

- Лучше не валяй незнайку, - со вздохом оторвался от подоконника Петров.

- Серго, чего вы так на меня насели? – Иванов начал инстинктивно пятиться от надвигавшегося шкафа, - я в самом деле не понял, что имеется в виду.

- Записывай на жесткий диск, - присоединившийся Сидоров жестко постучал пальцем по голове, - одурачить: дуть в уши, ездить по мозгам, вешать лапшу, художественно свистеть, пускать пыль в глаза... Могу пару дворовых вариантов.

- Сидор, брось свои хулиганские замашки, мы в приличном обществе! – отмахнулся Костя.

- Мы говорим о том, Костик, что после таких свистов и дуновений (а ты в этом велик!) девочка подушку обрыдает и по ночам спать не будет, после чего ты ее с легким сердцем бросишь! – пояснил позицию Петров.

- Ну, почему же с легким? – пробормотал Костя, опуская глаза в сторону кабинета физики.

- Что? – не расслышали друзья.

- Да я так никогда не делал!!

- Да было, Кость, было, - усмехнулся Андрей вполголоса.

- Ну, был разок, и то давно. Что ж теперь, за каждое слово вешать?

- Если б разок, раз в полгода десять лет, - покачал головой остановившийся Сергей, - тут кругом твои жертвы.

- А может, я ее люблю?! – быстро парировал Иванов со слегка победным видом.

- Вот именно: «а может...», - вздохнул Андрей, опять возвращаясь к подоконнику, - сам толком не знаешь. Игрушки тебе все.

- Я пока не определился, - еще раз, теперь более вяло, попытался вывернуться пойманный за неосторожное слово ловелас, - чувства немедленно не рождаются.

Трое друзей замолчали, переглядываясь. Как обычно в таких ситуациях, первым не выдержал и ухмыльнулся Сидоров.

- Что сказал... Вот что, костяная нога, - заключил Петров дискуссию, - товарищеский суд главного района нашего села заслушал и постановил: взять тебя под стражу. Короче говоря, на физике сядешь к нам третьим, посредине.

- Ха! Это уж дудки! – выпалил вдруг на полном серьезе Костя быстрее, чем успел подумать.

- До тебя так и не дошло? – Андрей инстинктивно начал заводится с пол-оборота; лицо машинально и мгновенно приняло мрачное выражение, - я тебе щас дудки махом наломаю!

- Эй, стоп, стоп!!! Ребят, вы чего?! – Сергей быстро встал между двумя запетушившимися друзьями, - мы что, из-за женщины ссоримся?

Он веско оглядел обоих – потенциальные драчуны выглядели пристыженными. Потупив немного, Андрей первым протянул Косте руку:

- Прости, Костян. Напылил тут чуток, не сдержался.

Костя принял извинения, пожав протянутую кисть. Затем, секунду подумав, кивнул:

- Ладно, парни. Ради нашей дружбы публично отказываюсь... В общем, не буду с Олей общаться. Ну, близко. Так-то хоть можно?

- Можно, - одобрил выбор Петров, - отказываешься для ее же блага. Повтори.

- Отказываюсь для ее же блага, - быстро пробубнил Иванов, - потом подойду, извинюсь. Наверное.

- Так-то лучше! – Сидоров закинул рюкзак за спину, - физика, физика... Пошли, что ли?

Едва пройдя пару шагов, они с Костей вдруг услышали вкрадчивый голос искусителя Петрова:

- Такие свежие листочки на деревьях, погода шепчет... Может, того?

Он прекрасно знал, что стоит только заикнуться и бросить эту волшебную фразу – дисциплина мгновенно рушилась, и примерные хорошисты тут же трансформировались в банду рецидивистов, регулярно совершающую побег из режимного заведения. Работало всегда. Сработало и сейчас.

- Да? – задумчиво протягнул Костя, остановившись.

- Да-да-да-да-да-да!!!!!! – застрочил без тени сомнения Сидоров, - пошли за мороженым и застряли в пробке! И всех бабок через дорогу гуськом!! Идем, незаметно забросим чемоданы на физику и смотаемся!

- Идет! Только у меня финансовый кризис, - Костя вывернул карманы брюк.

- Опять в казино промотал? – хихикнул Андрей, обшаривая свои, - ой... У меня, похоже, тоже дыра в кармане.

- Босяки! – ухмыльнулся Петров, - куда бы вы без меня... Деньги есть. Пошли!

Через десяток секунд сумки лежали в кабинете на положенных местах, а друзей и след простыл. Потом раздался звонок. Ольга растерянно оглянулась по сторонам...

На улице пахло весной. Этот запах чувствовался особенно остро после долгого пребывания в прохладных кабинетах школы, слегка отдававших пылью. Привыкнув за долгую зиму к обжигающим морозным колючкам, заставлявших зарываться глубже в воротники, ребята с удовольствием подставляли лица теплоте спокойному ветерку вперемешку с солнечными лучами. Первые минуты после побега были полностью посвящены прищуриванию на молодую листву, только-только вылезшую из почек, и глубокому вдыханию ее ароматов, наполнявших воздушное пространство парка. Волшебство начинающегося весеннего дня дополнялось, конечно же, потрясающим освещением, которое бывает исключительно в ясный день с голубым, почти летним небом, и только до полудня – только в это время солнце светит по-особому. Ну, еще пара-тройка мелких деталей, участвовавших в создании легкого утреннего настроения: почти пустой парк, стойкое ощущение начала совершенно другой жизни (до выпускных экзаменов оставалось всего ничего), и – главное – захватывающее чувство легкой противозаконности побега. Физичка, наверное, сейчас пребывает в ярости. Да и ладно!!!! До заветной

дверцы во взрослую жизнь рукой подать, и даже в союзе с химичкой и директрисой ей нас не победить! Потому что мы... Правильно, мы банда.

- Ишь, как соловушка заливается! – мечтательно вздохнул Сидоров.

Костя и Сергей молча скосили на него глаза – подобные птицы предпочитали облетать родной город южной стороной со времен последней глобальной перемены климата на планете.

- Андрюх, там просто стоя дятлов расслабилась, - Иванов слегка кивнул на чирикающие кусты вдоль дорожки к мороженому.

- Или урок литературы для кривоклювов! – добавил Сергей. Магическая волна туповатой легкости подхватила с необычайной силой; внезапно нахлынул один из тех моментов, в которые все сказанное к месту и не совсем воспринималось на ура, а от смеха без причины поне-многу начинало саднить горло. Впечатления от окружавшего пейзажа вкупе со школьными воспоминаниями и прогнозами на будущее, обработанные специфическим юмором, понятным только им троим, порождали совершенно невообразимые сочетания. Привычный путь вместо семи минут занял двадцать, и большую часть времени ребята провели, держась за животы...

Однако, к концу пути за мороженым Константин подустал смеяться и все чаще начинал погружаться в собственную голову. Когда до вожденного киоска с прохладными сладостями оставалось перейти дорогу, он, оторвав взгляд от далекого паркового бегуна в белом, внезапно остановился и неожиданно выдал глубокую мысль:

- Слушайте, а вдруг я ее люблю?

- Ивановская любовь к химии известна всему классу, - намеренно продолжил прежнюю тему Сергей. Оценив шутку, Андрей продолжил хохот; улыбнулся даже Костя.

- Я ее тоже обожаю! – простонал Сидор, останавливаясь для просмеивания посреди дороги, - но это почему-то не взаимно.

- Да я не о химии! – Костя подтолкнул вперед Андрея, - про нее, про Олю.

Первым достигнув противоположного конца проезжей части, Сергей повернулся и с серьезной миной произнес:

- Кость, мы же договорились! Не морочь девочке голову.

Обломленный казанова, замолчав, побрел вперед. По-честному пытаясь разобраться в себе и навести порядок в голове, он мысленно начал отгонять образ недавней соседки – так можно было попробовать подобраться к чувствам с позиции логики. Получалось не совсем. Первый раз говорил подобное, кажется, классе в третьем. А может, и пораньше. Кто ж упомнит. Но не в этом дело. Речь о том, что никогда не произносил эти слова два раза одной и той же девочке; для него это было неким показателем влюбленности. А сейчас совсем по-другому. К концу урока вдруг так захотелось повторить сказанное до этого... Да! Ведь у нее действительно самые шикарные волосы в школе! И смеется она тааак здорово! Костя постарался представить ее смех, в ожидании подскока внутри от магического голоса... Но почему-то ничего не прыгало и не суеилось. А должно было!!! Ну-ка, еще разок. И как же это понимать?!

- Серег, может мы зря с ним так? – поглядывая на грустные потуги соседа, тихо сказал Андрей, стараясь не быть услышанным с другой стороны.

- Ничего, настоящая любовь все прорастет, - философски молвил Петров, доставая из кармана затертый подростковый портмоне в черепах и подходя к заветному окошечку, - если действительно что-то есть (в чем я сильно сомневаюсь), то рано или поздно преграды будут сметены.

- Это о нас? – Андрей, поймав прежнее настроение, состроил обреченное лицо.

- Да, Сидор. Нас затопчет в асфальт дикое стадо разъяренных тушканов.

- Да нет, тушканы маловаты, - смерил Задумчивого Друга взглядом Андрей, - это будет табун крупных зайцев.

- Хорошо, что табун будет небольшой, - усмехнулся в ответ Сергей, - Костя!

- Оба-на... Приехали, - Костя внезапно осознал, что автопилот чуть не привел к столкновению с киоском. Пришлось прибегнуть к экстренному торможению. Глаза уперлись в голубые с белым разводы и сочную надпись «мороженое». Цель побега была достигнута.

- Ну-с, коллеги, кому какое? – спонсор внимательно начал изучать ассортимент, представленный на витрине.

- Мне-с, пожалуй, эскимо-с, - Иванов окончательно пришел в себя.

- Кость, что-то я тут эскимосов не вижу, - для правдоподобности шутки Сидоров с серьезным видом начал изучать меню.

- Серго, купи этому джентльмену с глазурию! – отомстил шутнику Костя.

- Уже! – Петров, засовывая сдачу в карман, другой рукой извлекал из недр киоска протянутые продавщицей плоские кусочки фольги на палочках, - у вас больше нет поводов для раздоров, дети мои, как нет в данном заведении других вариантов нормального мороженого. Фруктовый лед не в счет. Или кто-то хочет?

Переглянувшись, Костя с Андреем пожали плечами – деваться было некуда, фруктовое позорище продавалось исключительно для слабых женщин и их визгливых деточек. Хотя даже Костя недолюбливал застывшие куски шоколада, скрывающие настоящий вкус, пришлось согласиться.

- Она же во рту не тает, - немного брезгливо отзываясь о глазури, Сидоров начал разворачивать брикет.

- А еще к зубам липнет! – развернув первым, Костя с победным видом откусил сразу треть.

До конца урока оставалось минут пятнадцать. Пора было возвращаться к справедливой расправе. Но она никого не пугала – они столько раз слышали всевозможные угрозы, что нового придумать не могли даже сами. Путь был выбран неблизкий (в обход парка), поэтому возможность избавиться от портящего гармонию шоколада у Сидорова оставалась. Минут десять он боролся с врагом с помощью тонкой палочки, отколупывая кусок за куском и щедро раздавая сладость птицам и прочей живности, и сохраняя спартанское терпение. Друзья покатывались со смеху.

- Андрюх, пока все отколупаешь, мороженое убежит! Уже подтаяло совсем!

В ответ Сидоров только успевал облизывать стекающую по пальцам липкую сладкую суть мороженого.

- Может, помочь? – первым осведомился Сергей.

- У-у,- помотал головой из стороны в сторону борец с шоколадом.

- Серег, ему некогда болтать! – пояснил ситуацию Иванов, - Андрюх, ты с другой стороны лови! Там целый сель готов!

Костя уже обглаживал палочку, когда страдалец наконец-то покончил с глазурию и добрался до изрядно похудевшей сердцевины.

- Уффф,- выдохнул он с облегчением.

- Победа? – заключил Петров.

- Да, после долгой и изнурительной борьбы,- с гордостью похвалился Андрей, - мы достигли консенсуса. Ну-с, теперь можно с полным правом вкушать плоды сей виктории!

Втянув носом чудесный аромат истекающей в руке сладости, он открыл было рот, как вдруг Костя, демонстративно повернув голову, спросил:

- Андрюх, ты когда-нибудь слышал пословицу «съел сам – помоги товарищу»? А?

Сидоров невозмутимо облизал макушку мороженого.

- Первый раз слышу. Любопытная пословица.

- Напрягись. Ты знал ее раньше!

- Чего-то не припомню.

- Так я напоминаю... Ну-ка делись давай! – от мягких словесных увещаний Костя вероломно перешел к активным действиям. Сидорову ничего не оставалось, как отступить. Внезапно сорвавшись с места и целиком сосредоточившись на неприкосновенности плода раздора, он быстро понесся напролом через кусты. Иванов, не теряя ни секунды, начал обходить его слева, тоже используя галоп с препятствиями.

Сергей, в первую секунду усмехнувшись молодой прыти товарищей, вдруг краем глаза сквозь заросли заметил ничего не подозревающего бегуна, быстро приближавшегося к вероятной точке их высадки. Мгновенно просчитав траекторию, он бросился вперед с громкими призывами остановиться и посмотреть по сторонам; но слова утонули в хрусте ломающихся веток. Увернуться от неизбежного они уже никак не могли...

Через несколько секунд бега, прорвавшись через очередной куст к свободе и мороженому, Андрей внезапно почувствовал сильный удар в левый бок. Следуя бешеной энергии, он потерял под ногами землю, и, растопырив руки, полетел в неизвестную сторону (полет стартовал в заднеправом направлении, поэтому был совершенно неконтролируем вследствие отсутствия хотя бы одного глаза на затылке). Насладившись коротким мгновением невесомости, почувствовал тягу к посадке, и вовремя убрал растопыренный закрылок. Мягкая земля, покрытая весенней травкой, приняла потерпевший аварию аппарат с материнской лаской, не забыв для науки немного шлепнуть по затылку веткой росшего рядом с падающим деревца.

Единственное, что Андрей успел внятно осознать за это мимолетное мгновение, было ощущение только что случившейся катастрофы. Сладкое, с таким трудом и терпением приведенное к нужному стандарту потребления и от того ставшее еще более желанным и дорогим, мороженое, находившееся в секунде от долгожданного съедения и стоявшее ровно одну тему по физике, описав дугу в ярко-голубом утреннем весеннем небе, нашло вечное пристанище в маленькой грязной лужице.

- Андрюх, как ты в целом? – Сидоров увидел сквозь печаль склонившуюся над ним в один момент ставшей кучерявой стрижку Петрова.

- Да вроде я цел, что там за спортсмен-любитель, ё-мобиль... - Андрей только собрался поведать о своем горе другу, как вдруг, привстав, тут же обнаружил его отсутствие. Хмыкнув, огляделся. Вероломный преследователь Иванов, вкупе с изменником Петровым, сидели над вторым объектом столкновения, совершенно не двигаясь. «Неужели все так плохо, что со мной так формально обошлись собственные друзья?!» - успел слегка обидеться Сидоров, не спеша подходя к коварному выскочке...

Костя, как и положено джентльмену, первым пришел в себя и начал действовать – подсунув руки под плечи и шею пострадавшего, осторожно оторвал от земли. Лица Андрей не видел – пациент лежал к нему ногами. Но некоторые детали, совместно с какой-то подозрительной осторожностью Иванова, быстро переводили мысль в нужное направление. Белоснежные до рези в глазах спортивные брюки, неестественно чистые кроссовки, острые коленки... Сидор замер в паре метров, пораженный внезапным открытием. В зубах замер почти вылетевший вопрос «как там этот засранец?». В тот же момент Костя усадил незнакомца. Ранее закрытые согнутыми коленками, на свет показались такая же белая спортивная курточка с капюшоном, худые руки, прижатые к вискам, и... Длинные каштановые, немного выующиеся, волосы, закрывая лицо, густым тяжелым потоком упали на плечи; тонкие пальцы привычным незаметным движением откинули прядь с лица – показалась наморщенный от боли высокий лоб с двумя четкими дугами бровей, истончающихся к виску... Картина была полностью понятна: Сидоров только что впервые на себе почувствовал настоящее столкновение с противоположным полом. Представитель оного, явно проиграв в неравном воздушном бою, сидел, тяжело дыша.

- Надо же,- прошептал Андрей максимально умное из головы, замерев от неожиданности, - о, как!!!

- Андрюх, ты явно был неправ! – вдруг как-то слишком серьезно, даже резко для их отношений, выдал Костя.

- Иванов, ты в уме ли?! Сам же за мной ломанулся! – изумился Сидор.

- Хватит перепираться, оба хороши! – в том же нездоровом ключе перебил друзей Сергей,- помогите человеку подняться лучше!

- Не надо, - вдруг слабо прошептала она,- посижу немного.

Костя, почувствовав, что девушка уже вполне устойчиво сидит без его помощи, тем не менее, оставил руки на местах. Сидоров, с трудом найдя силы посмотреть проступку в лицо, присел у ног пострадавшей.

- Простите, ради бога, - начал он было заскорузлую оправдательную речь, но осекся – девушка опять поморщилась. Наверное, от боли; но ему показалось, что она слышать ничего не хочет. Это мгновенно всколыхнуло самозаводящееся самолюбие – экая княгиня, даже извинений принять ей не хочется! А я тут еще чего-то пытаюсь вымолвить!

- Она бежала по тропинке, когда ты из кустов вылетел, - тихо рассказал Петров, заполняя паузу до подачи девушкой сигнала о готовности к контакту, - сильно головой ударилась.

- Серго, ты-то чем недоволен? – шепотом огрызнулся Андрей, - был бы глаз на спине, мы бы разминулись!

Девушка вдруг слегка усмехнулась; похоже, наконец-то полегчало. Друзья с надеждой вперились в ее волосы.

- Мне тоже иногда такого не хватает, - тихо сказала она. В ответ Костя немного натужно и, к счастью, кратковременно, просмеялся. Сергей и Андрей посмотрели на товарища с недоумением; в ответ фокусник только пожал плечами, мгновенно напустив на себя маску серьезности.

Наконец, момент настал: облегченно выдохнув, незнакомка убрала от лица руки, подняв голову и оглядев противоположную команду. Первым в поле зрения попался крупный широкоплечий парень, упорно заглядывавший в лицо в поисках признаков выздоровления. На его физиономии был стойкий отпечаток тревоги – было похоже, что здоровяк искренне волновался за исход неожиданной встречи. Справа от великана присел на колено другой, немногим мельче, с неброской симпатичной бойцовской прической на правильной голове; взгляд непосредственного виновника, устремленный слегка исподлобья, был немного растерянным. Третий сидел где-то сбоку, по-прежнему поддерживая за плечи... Все трое молчали – настал ее черед ожидания. Они прекрасно видели, что пострадавшая готова к диалогу, но продолжали хранить тишину.

Друзья попросту потеряли дар речи, все одновременно. Даже Костя, язык которого был подвешен где-то высоко, а опыт общения с женской половиной человечества весьма обширен, и тот не мог выдать чего-нибудь путного. В головах все смешалось. Они тупо и остоленело разглядывали ее лицо... Скорее всего, дар речи троих друзей утонул в прекрасных нежно-оливковых глазах миндалевидной формы, больших, как у самых сказочных восточных красавиц. Пространство между нижним веком и оливкой радужки с чарующим бледно-коричневым кантом с внутренней яркой зеленью придавало взору элемент гипноза - так не хотелось сводить с этих глаз своих! Черты лица были заданы родителями незнакомки на редкость гармонично: небольшой аккуратный, совсем незаметно приподнятый вверх нос, четко очерченные губы, высоко поднятые природой домики бровей, четко выделенные скулы. Прекрасный образ дополняли аккуратные прижатые уши, за которые, блеснув простенькими серебряными колечками, тонкая кисть убрала упорно сбивающиеся на взгляд пряди... Мягкая бархатная кожа лица, освещенная справа едва касавшимся незнакомки солнечным лучом, была слегка тронута румянцем. Было от чего впасть в ступор.

Ненужные вопросы вежливости исчезли сами собой. Осознавая, что пора бы сказать что-нибудь, и что это не совсем умная и этичная мысль смущать мадемуазель таким откровенным разглядыванием лица, они были намертво прикованы к ней. Даже мельчайшие мышцы, до того

незаметно делавшие вечную работу передвижений век вверх и вниз, замерли и отказались слушать. Друзья, внезапно окунувшись в эти глаза, в ее волшебный слегка улыбающийся взгляд, мгновенно потерялись во времени и пространстве. Лукавая природа подлила масла в нарастающий ежесекундно огонь в смущенных душах: легкое дуновение теплого ветерка отвело какую-то веточку, закрывавшую солнце, и поток света залил объект всеобщего внимания. Кожа лица и шеи девушки вдруг зацвела нежным молочным золотистым цветом, словно каждая клеточка хранила до нужного момента малюсенький кусочек заката, и по чьему-то сигналу все разом выпустили его наружу. Смущение от продолжавшегося молчания плеснуло в эту гамму немного красного, превратив золото в не менее дорогостоящую бронзу; радужка внезапно зацвела волшебной чарующей зеленью... С Сергеем, Андреем, и даже с Костей, такое происходило впервые; они полностью растворились в магическом взгляде, не ощущая даже собственного тела. Существовало только ее лицо, и больше ничего. Оно было прекрасно, но их исчезновение было связано не только с физической красотой. Что-то неумолимо тянуло; ее взгляд, не желая того, словно стер мысли, оставив лишь обрывки, мечущиеся в поисках порядка сильнее и сильнее, лишь увеличивая сумятицу. Сидоров полностью обезболится, перестав чувствовать саднение в левой лопатке, первой встретившей столкновение; пульсировала какая-то слегка подзабытая мысль о взгляде из литературного сна, но с собственным зрением начала твориться чертовщина. Сначала исчезли окружающие деревья вместе с небом, потом сидевшие рядом с девушкой друзья, и, наконец, остались только ее глаза. Петров, растерянно хлопая веками, замер в неудобной позе, поджав под себя одну ногу; пальцы на оной начинало понемногу мозжить от сдавленности. Костя не чувствовал, что уже не поддерживал пострадавшую, а просто впился в нее пальцами, как горный орел в добычу.

- Кость, полегче дави, - первым пришел в сознание Петров.

- Ага, - непроизвольно поддакнул Сидор, - доломаешь то, что после меня осталось.

Девушка опять улыбнулась – то ли от шутки, то ли от того, что смущавшее все сильнее нелепое молчание закончилось. Но на Иванова это произвело совершенно противоположное впечатление. Злобно зыркнув на соседей, он убрал руки и начал тихо надуваться. Темнота вокруг ее лица испарилась, и молодые люди с удивлением и каким-то неприятным осадком обнаружили, что вокруг есть деревья, шелестит на ветру листва, а рядом с девушкой сидит еще кто-то, пусть даже и друзья. Пора было что-то сказать, как-то извиниться за нелепость, прежде всего Андрею. Пора было прощаться... Он судорожно набрал в грудь воздуха для рождения чего-то весомого и значимого, что помогло бы осесть хоть малому впечатлению о нем как о неплохом, в общем-то, парне; но мысль все не появлялась и не появлялась.

- А-а-а... - вхолостую выдохнул он.

Друзья почему-то восприняли такое заявление как должное. Или просто пропустили мимо ушей. Но тут ему первому постучалась в голову сногшибательная идея первым помочь ей встать. От этого почему-то резко захватило дыхание. Подскочив, Сидор одной рукой взял девушку за локоть, другой за кисть.

- Позвольте помочь, - не дав времени на размышление, слегка потянул пострадавшую вверх. Поддавшись настоящему приглашению, она встала. Чувствуя случайное прикосновение, Андрей ощутил непонятный спазм в горле. Ясно осознавая, что сказать в настоящий момент абсолютно ничего не сможет, так и замер с чужой ладонью в своей руке. Ладонь была теплая и мягкая, на пальцах неумолимо блеснули прямым в душу те же простенькие серебряные колечки...

- Мне очень жаль, что так получилось, - зачинщик наконец-то нашел возможность выдать несколько слов извинений; признание давалось с огромным трудом, он постоянно чертовски боялся снова перейти на свист.

- Ничего страшного, - мягко ответила девушка, улыбаясь всем сразу, - в лесу такое бывает.

В короткий миг ее улыбки, пока они вдвоем находились вверху, а Костя и Сергей по-прежнему оставались у земли, произошло что-то странное. За те неуловимые доли секунды друзья успели обменяться быстрыми взглядами; каждый получил по паре молниеносных зарядов огромнейшей силы. В этот момент никто даже не осознал произошедшего, сильнейшее колебание еще отдаленно не оформилось в мысль, которая десять минут назад никаким образом не могла даже подступиться к ним и была страшна для каждого, но катастрофа уже произошла. Огромный материк внезапно раскололся на три части; щели, отграничивающие куски, были еще незаметны, но микроскопическое движение в разные стороны началось... После тихо разорвавшейся бомбы от них остались лишь тени.

Костя и Сергей встали, молча и глупо оглядывая окрестности. Первым очнулся, конечно же, Иванов.

- Может, Вас проводить? – быстро спросил он, буравя глаза пострадавшей своими и чувствуя, как не в силах оторваться от незнакомки.

- А Вы здесь каждое утро бегаете? – Сидоров, похоже, наконец-то справился с пространством; не дожидаясь ответа на вопрос Константина, нагло позволил себе перехватить инициативу.

Девушка продолжала смущенно улыбаться.

- Сегодня первый раз побежала, после самолета, по глупости, похоже... Не могу заснуть никак, часовые пояса разные; подумала, что после прогулки смогу поспать. Провожать не надо, спасибо. Я уже парковаться бегу. Ну, в смысле – домой, мы и так в парке... Спасибо.

Еще несколько секунд все стояли молча. Петров чувствовал, что стремительно теряет позиции – оба друга ухлестнули далеко вперед. Но он никак не мог восстановиться после взгляда, который невзначай расстроил привычные мысленные ряды. Сергей изо всех сил сжал челюсти – надо срочно собраться, что-то сказать, о чем-нибудь спросить – иначе она даже не вспомнит потом, что рядом был кто-то третий. Если вообще будет «потом»... Сейчас очень нужно увидеть, что она смотрит именно на него; это необходимо сделать любыми способами!!! Что за безумие... Почему НАДО? Без вопросов – просто надо. Этот нехитрый маневр важнее всего на свете! Почему-то... Хорошо, что друзья так же непродуктивно тупят, и что какое-никакое время для сбора в кучку есть. И почему в такие моменты в голову не лезет ничего, кроме идиотских банальностей, которые лишь покажут, какой дурак выскочил к принцессе из леса, да еще и без лошади. Но очень надо подать голос. Разум, прости...

- А где Вы живете?

Андрея и Костю резануло по уху – их по-прежнему было трое. Но радости от такой вариативности в настоящий момент никто не испытывал. Петров здесь, и уступать в продвижении к волшебным глазам не планировал. Высочка получил желаемое – неземной светящийся взор был переведен на него. Девушка слегка кивнула на противоположный конец парка:

- Там, в зеленом доме.

- Ааа! – вместе воскликнули ребята, - знаем!

Хор прозвучал довольно фальшиво, и все это поняли. После такой партии стоило немного помолчать. Еще полминуты тупой паузы...

- Что ж, - вновь немного растерянно улыбнулась она, - похоже, наша встреча не принесла никому повреждений... Если вы не против, я побежала дальше? Пора отсыпаться.

- До свидания, - как тень, пролепетал Костя, не сводя с нее глаз.

- До свидания... - пробормотали двое оставшихся.

- До свидания! – весело произнесла девушка и, ободряюще кивнув, легко побежала вглубь парка.

Только отбежав не менее сотни метров, она позволила себе перейти на шаг и слегка оглянуться. Любопытная троица оставалась на тех же местах. Высокий плечистый парень медленно вытирал платком с пальцев остатки протекшего не так давно мороженого; его товарищ с бой-

цовской стрижкой, скрестив руки на груди, опустошенно смотрел под ноги. Самый симпатичный, делоновского вида молодой человек, засунув руки в карманы, пустым невидящим ничего взглядом смотрел ей вслед. Она нерешительно слегка махнула – он по-прежнему оставался недвижим, глядя в себя.

Незнакомка даже не подозревала, какие повреждения получили три друга после столкновения.

- Который час? – устало спросил Сергей. Никто не отозвался. Он повторил громче.

- Что? Время? Половина двенадцатого, - глянул на часы Андрей.

- Пошли, - буркнул Иванов, мрачно кивнув на школу, - перерыв заканчивается.

Они побрели обратной дорогой, из которой исчезло все, что так радовало чуть раньше. Как и пророчил Костя, попали в перерыв. Везти перестало сразу – на первом этаже возле лестницы напоролись на директрису. Как человек сведущий в вопросах посещений занятий выпускниками, и помня предыдущие боевые заслуги троицы (которые позволяли им встречаться довольно часто), сразу сделала знак остановиться у обочины.

- Петров, Иванов и Сидоров, сплошной анекдот... Как обычно. Как там на улице?

- Загазованность растет, - попытался состроить невинность Иванов.

- У Петрова на литературе голова разболелась, - потерянно поддакнул Сидор.

- Угу, - Сергей, автоматически участвуя в коллективном вранье, сделал полужест «головка бобо».

Директриса скептически оглядела упорно пытавшуюся наврать троицу.

- Надеюсь, никого на улице не спасали? Например, бабушка на кошку наехала тележкой и не могла ее извлечь? Или автобус в ямке застрял, и вы помогали водителю толкать сзади, пока он спереди понукал лошадей?

- Самолет почти упал, - вяло добавил Андрей.

- Сегодня расстраиваете, ребята - обычно ваши легенды выглядят убедительнее. Что-то в самом деле случилось?

Несмотря на нотки провокации на доверие в голосе начальницы, всегда до известной степени относившейся к проделкам снисходительно (что не помешало ей несколько раз принять весьма жесткие решения – с тех пор они относились к начальственной благосклонности настороженно), сегодня продолжать шутки не хотелось. Скорее бы на урок (редкое дело!) – может, просто посидеть и порыться в голове... Они потуплено смотрели в разные стороны.

- Ладно, раз молчите, будем беседовать на официальном уровне. Сейчас некогда, но на следующем перерыве прямиком в мой кабинет. Без прогулов и опозданий. Сидоров, ты понял?!

- Почему чуть что – Сидоров?! – слегка оскорбился Андрей, хотя прекрасно знал причину.

- Не смешно, Андрей. Потому что ты всем учителям памятен, особо физкультуры по игре в футбол с тридцать второй школой. Как поняли?

- Так то ж...

- Поняли?!

- Понятно, - вразнобой отозвались ребята. Дело приобретало плохой запах.

Следующая атака не заставила себя ждать и свершилась сразу после входа в класс. Мимо торжественно прошествовала Верка, на ходу бросив:

- Вас троих физичка требует на съедение! Прямо сейчас – так и сказала. Успехов!

Тучность физической дамы Анны Александровны никак не мешала последней обожать предмет полной душой. Только она единственная во всей школе могла видеть и на пальцах объяснить неучам перспективы Вселенной и каждого отдельно взятого физического тела вроде конкретного ученика, при этом все понимали только результат, а не простейшие как дважды два выкладки и расчеты. Именно безмерная любовь к предмету и глубокое осознание его зна-

чимости для молодых душ делали ее нетерпимой к разного рода проявлениям неуважения к основам основ. С повстанцами физичка расправлялась быстро и строго, а троица друзей подходила именно под эту статью. В тот самый момент, когда она, оставив недавние мысли о жестком приговоре Иванову, Петрову и Сидорову, имевшим наглость восстать в самом конце обучения (попросту погулявшим урок), в дверь часовни фундамента наук, увешанной учебными и не просто приборами, проволоками и линейками, постучали. Отложив в сторону последние новости из манящего мира настоящей науки, физичка обратила взор на робко приоткрывающуюся дверь.

- Входите, генератор Тесла пока не работает. Бояться нечего.

На пороге показались нарушители. Оглядев предателей с высоты своего подиума, Анна Александровна с директорской скрытой усмешкой медленно повторила фольклорные фамилии. Впрочем, все учителя после их проделок начинали нотации именно с перечисления фамилий, чему ребята уже не удивлялись. Это стало своего рода школьной традицией, вкупе с пословицей.

- Мы не виноваты, - начал было привычную песню Костя, но физичка сделала знак не продолжать.

- Иванов, от Вас даже объяснения и извинения не нужны. Сережа... Ладно, эти двое остолопы, но ты же подаешь в физике надежды!

- Виноват, Анна Александровна, - вздохнул Сергей. Ему виделось, как он говорит учительнице, что совсем не хочет подавать физике надежды, и что вряд ли когда-нибудь обнаружит параллельную вселенную; но почему-то было все равно. Он чувствовал, что друзья ощущают то же – любой дождь и град снаружи был ничем по сравнению с пепелищем внутри; все нынешние неприятности есть не больше, чем звуки идущей мимо бури. Повторялась история пятиминутной давности: учитель, молча ожидающий хоть какого-то проблеска в глазах людей, которые скоро вывалятся «во взрослую жизнь» (вроде как в открытый космос, где нет ни пищи, ни воды, а кругом бродят непонятные по сути существа), и совершенно непонимающие важности ситуации школяры с отсутствующим видом и полным нежеланием общаться на лице.

- Вот что, уважаемые, - физичка, видя полное моральное отсутствие казнимых повстанцев, решила сразу перейти к оглашению приговора, - до конца года рукой подать. Если позволите себе пропустить хоть одно занятие – такая роскошь резко отразится на аттестатах. Это я вам обещаю. Все, идите!

- Спасибо, - автоматически пробурчал Костя, открывая дверь.

- Сейчас ступайте готовиться, у вас еще час. Буду спрашивать, - физический терроризм продолжался, - в случае неуспеха будете все свободное время в этом кабинете торчать с литературой по физике, пока теорию относительности Эйнштейна назубок мне не расскажите!

- Вот так, еще и литературу приплела, - заключил Сергей, когда они покинули лаборантскую, - вышли погулять...

- Как-то не везет сегодня, - заключил Андрей.

- Не знаю, - вполголоса в сторону прошептал Костя.

- Что? – резко повернулся к нему Петров, - ты о чем?

- Я ничего не говорил! – вдруг обозлился Костя, - вам обоим показалось! Я молчал!

- Кость, я-то при чем? – недолго думая, вспылil Андрей; он вообще в такие моменты редко думал, предпочитая чувства и эмоции здравому смыслу, - уж кто рыбу проглотил, так это я!

- Замолчите оба! – оборвал друзей Сергей, - как белены объелись...

В его голове картина представляла весьма четкой, в отличие от двоих товарищей. Они вышли погулять, и внезапно столкнулись с чем-то неведанным. Чем-то оказался кто-то неземной красоты и женского пола, и началось что-то. Что именно, Петров никак не мог понять.

- Факт в том, - сказал он, - что к физичке мы будем доooooooooоолго ходить. Очень долго. Понимаете, чем это все пахнет?!

- Пованивает большими неприятностями, - прошептал Костя, - не надо было никуда сбегать. Сидели бы спокойно на физике, втроем, слали бы Оле записочки.

- Не знаю, - вдруг задумчиво произнес Сидоров, - не знаю...

- А ты это о чем? – вперился в него глазами Петров, прекрасно понимая подтекст.

- Ни о чем, - отмахнулся Андрей.

Такой ответ был необычен для них – негласным правилом, обеспечивающим полное доверие, было объяснение непонятных деталей поведения того или иного члена их тайного сообщества. Сложившаяся за несколько лет традиция абсолютной откровенности рушилась на глазах по неясной пока причине. И, самое главное, они не только не хотели понять эту причину, но и всячески гнали от себя мысли о необходимости осознания последней. Они больше не доверяли двоим другим, как себе...

Даже не отметив неприятное событие в виде умалчивания, ребята безмолвно прошли на свои места в классе и уселись, формально уткнувшись в учебники. Для остальных, кроме себя, они выполняли задание физички: перед второй частью пары надо было проштудировать домашнее задание. Но то была лишь ширма, и больше для самих друзей – при взгляде на троих главных оторв класса, посреди перемены уткнувшихся в учебники, можно было сразу распознать коллективное бессознательное, посетившее их. Друзья смотрели в книги невидящим взглядом, краем глаза пытаясь поймать движения остальных пострадавших. Периодически разум брал свое, и они пытались добросовестно разобрать слова в учебнике. Но хватало не более чем на пару минут. После потуг мысли неумолимо возвращал их к одному и тому же – к ее глазам и легкой смущенной улыбке. Спасения никакого не было. И они с удовольствием готовились тонуть.

К Сидорову подбежал Мишка, не к месту бодро хлопнув по плечу:

- Парни, пошли скорей в спортзал, там наш десятый с двадцать седьмой в баскетбол режутся! Надо поорать за наших!

Сидор вяло отмахнулся, Костя и Сергей даже не оторвались от книг. Мишка затревожился:

- Чуваки, что с вами? Раньше с полпинка реагировали...

- А сейчас пара пинков нужна, - автоматически сжал кулаки Сидор, исподлбья пробуравив доброжелателя.

- Сидорук, ты чего?! – оторопело изумился Мишка, - я же просто так позвал, поболеть!

- Мишаня, мы и так слегка болеем, - поспешил разрядить обстановку Петров, немного привстав, - нам физичка условия поставила, надо почитать.

- Так бы и сказали, - обиженно протянул тот, - чего сразу в бычков-то играть?!

- Извини, Мишка, - подключился Костя, - Сидор не в себе.

Хмыкнув, Миша удалился ни с чем.

- Сидор в себе! – выждав паузу, хлопнул кулаком по столу Андрей, - хватит свои болячки на меня скидывать! А ты, Иваноцаревич, лучше бы назад оглянулся!

Иванов давно чувствовал, что сзади кто-то внимательно сверлит взором спину. Совсем не для того, чтобы обернулся и посмотрел, кто это, вовсе нет. Он чувствовал, кто смотрит. И знал почему. И помнил, что надо было сделать именно на этой перемене, и что давал слово друзьям... Но было совсем не до того, кто остался позади; небольшой поход за мороженым отрезал все, что произошло до того. Сейчас хотелось только одного – думать и думать об одном и том же, и чтобы никто не трогал и не мешал, не лез в голову с идеями прошлого века. Он не обернулся.

За минуту до звонка класс начал заполняться взволнованными болельщиками. Спортивные дебаты прервал звонок. В тот же момент на пороге класса показалась Анна Александровна.

Торжественно, под звуки затихающего в предвкушении неприятностей зала, она прошествовала к возвышавшейся над окрестностью пулеметной точке – своему столу, из-за которого обстрел происходил наиболее удачно. С легкой лихостью шлепнув классным журналом по столу, заставила немного напрячься слегка неготовых. Устроившись удобнее, с едва скрываемым удовлетворением произнесла:

- Начнем с прогульщиков. Иванов...

После сорока пяти минут морального угнетения пришел долгожданный конец. Физике в том числе. Толпа выпускников выстроилась в очередь на выход. Через пару минут, глотнув коридорный воздух свободы, Петров повернулся к потерянно стоявшим товарищам.

- Ну что, господа, подсчитаем убытки от похода за мороженым?

- У меня тоже двойка, - нехотя отозвался Костя.

- Я тоже тебе должен полтос, - добавил Сидоров.

- Финансовые долги оставьте своей совести, - ответил Сергей, - наши потери сегодня рублем не померяешь... Спешу обрадовать, нам еще «туда».

С этими словами он слегка кивнул в направлении кабинета директрисы.

- Надеюсь, классная уже там, - обреченно вздохнул Иванов; присоединение к расстрелу классной дамы сулило весьма крупные неприятности, ивановский сарказм обозначал лишь конечную точку бытия, - может, нам не настолько необходима вся эта затея?

- Затее не наша, к сожалению, - еще раз потеряно вздохнул Сергей.

- А может, того... - Андрей со слабой надеждой дернул бровью в сторону лестницы, ведущей к выходу. - Костян прав, нам эти ковровые похождения совсем ни к чему.

Сразу же, на первых словах Сидоров понял, что друзья нынче совершенно не поддерживают. Сказать точнее, они почти не слушали, обмениваясь болтовней автоматически, больше для того, чтобы показать друг другу, что все по-прежнему. Да и, если честно, Сидор сам бы с удовольствием сел где-нибудь в углу в полном одиночестве и с нетерпением погрузился по уши в странную и загадочную пустошь, заполнившую голову после её глаз.

- Они нам тогда завтра устроят «того», - покачал головой Петров, - до экзаменов будем за ними бегать, как савраски от сервелата, с языком на плече. Пошли.

Тройка гуськом поплелась к страшной двери. Хорошо, что ждать снаружи не пришлось (хоть в чем-то повезло сегодня), экзекуция началась немедленно и длилась не более семи минут. Этого времени вполне хватило для уяснения пользы занятий, какими скучными и нудными они ни казались бы. Больше половины сказанного ребята пропустили мимо ушей по причине занятости мозгов другим, более важным. Но последняя фраза директрисы о предстоящем скором вхождении в «другой мир, полный неожиданностей» отвлекла и слегка позабавила. Конечно же, она имела в виду институтско-университетскую жизнь, и друзьям казалось, что ничего нового и неожиданного она не откроет. Для вежливости осознанно покивав и согласившись с необходимостью форсировать изучение фундаментальных предметов, дезертиры покинули помещение под неодобрительное покачивание начальственных голов.

Последним довеском ужасного дня был не менее неприятный разговор с классной дамой, нагнавшей вяло бредущую молчаливую команду прогульщиков в коридоре. Во многом повторив директрису и физичку, она прибавила к пройденному несколько оригинальных угроз, от чистого сердца. Окончательно расстрелянные, ребята побрели на улицу. Обсуждать ничего не хотелось. Каждый чувствовал приближение долгожданного почему-то одиночества... Неловко помолчав пяток минут и тупо поморгав на весело галдящих школяров, разбегавшихся по домам и делам, непроизвольно начали искать слова прощания. Последние никак не лезли.

- Я домой, - просто сказал Костя, - после всех нотаций чего-то башка раскалывается.

- Что, не пойдешь играть? – скосил на него взгляд Сидор, - договаривались вроде с парнями на сегодня.

- А что, футбол? – попробовал изобразить вежливое удивление Костя, - не, надо пойти прилечь.

- А ты побегай, как рукой снимет, - с легкой издевкой поддел Андрей.

- Сам иди да бегай! – вдруг вполголоса огрызнулся Иванов.

- Я форму дома забыл, - пожал плечами Сидоров, - уважительная причина. Да и родители уборкой загрузили. Я тоже пойду, пожалуй. Не обижайся, Петро...

Слегка отсутствовавший до последней фразы Сергей мрачно оглядел предателей.

- Что на вас обижаться... Дело сделано. Как хотите. А я пойду, развеюсь. Да и из головы лишнее мячиком повыбью. Пока.

Произнеся дежурное прощание, они разошлись в разные стороны. Но упорно продолжали думать об одном и том же. И каждый поймал себя на невольном облегчении от того, что двоим другим не надо идти через парк мимо зеленого дома.

- 2 –

...Они вскочили и почти без оглядки кинулись к проему, в котором исчезали последние спины в голубых костюмах. Ивановский прогноз оказался правдивым – едва ребята достигли поднимающейся уже двери и юркнули под нее, как та вдруг приостановилась. Под навес начал задувать вертикальный поток, который, оставаясь они в грязи, рано или поздно доконал бы окончательно. Оператор двери, похоже, был разумным человеком: почувствовав сопротивление мощнейшего нисходящего ветра, он тут же прекратил подъем трапа, чтобы переждать и не оторвать крышку большого люка. Успевшие изучить временную кинематику потоков ребята выждали после начала привычной бури с десятков секунд в надежде, что охрана попрячет носы до окончания, после чего Петров мощным толчком подпихнул с трудом залезавшего друга на корень трапа. Понимая, что еще через несколько мгновений никакие совместные усилия не смогут втащить нехилое тельце Петрова туда же, Костя моментально крутнулся на животе, подхватив подтянувшегося друга за шиворот. К счастью, тому удалось до разгара урагана закинуть на трап ногу – остальное было делом упавшей листвы; прокатиться кубарем внутрь и тут же свалиться в какой-то темный угол удалось без труда. Только тут открыв глаза после путешествия кувырком, они шарахнулись в сторону – три трупа лежали в метре, оскалив крупные конические зубы и злобно глядя потухшим кровавым взглядом сквозь перепутанные жесткие волосы.

- Дикари какие-то, - с невольным облегчением выдохнул Костя.

- Наши не успели бы так зарастить, - подтвердил Сергей, - так, у нас первая удача. Хорошо. Пора прятаться, пока контролеры не вернулись!

Отыскав поблизости спокойный угол, друзья без сил растянулись на полу, пытаясь успокоить дрожащие пальцы. Потом, отдышавшись, по-прежнему растерянно зажмурились - происходящее после встречи в лесу никак не вписывалось в рамки постигнутых за последние восемнадцать лет знаний. Костя, так и не открыв глаз, краем рта улыбнулся. Неизвестно почему вспомнилась «ужасная ночь переживаний» после встречи в парке с прекрасной незнакомкой. Тогда казалось, что более изматывающих событий в жизни не было. Страдальческие переживания, посетившие тогда, бросали на самое дно сомнений, заставляли бегать по порочному кругу мысли вроде «я не увижу ее больше никогда» и «как она так просто не обратила ни малейшего внимания на мой такой богатый внутренний мир», о коварстве судьбы и прочей чепухе. Сейчас это казалось детским лепетом впервые влюбившегося малолетки, а прошло-то всего несколько месяцев... Сохранилось отчетливое воспоминание, поставившее точку в бешеном горестном хороводе ощущений с первыми лучами солнца: слишком уж ты влюбчив, Костя Иванов. За что и поплатился. И второй главной ошибкой была потеря друзей, это чувствовалось очень остро. Подобрал необходимые слова, твердо решил в школе составить с друзьями

разговор по душам – тогда еще хотелось это сделать. Последний лучик разума перед тем, как Земля налетела-таки на небесную ось...

Облегченно раскинувшись на топчане, Костя мгновенно заснул.

А потом было утро, химия и пустая парта сзади. Друзья совсем не торопились выслушать правильную и зажигательную речь. Он явно и красочно представлял, где они сейчас находятся и что делают – до деталей и прищуренных в поиске глаз. Такое замечательное утро за окном, лучи солнца и едва морозная свежесть весны... Очень легко и приятно дышится, особенно в парке. Они стоят и ждут. «Скорее всего, сами по себе и в разных местах... Но я-то решил собственные проблемы! Так-то, перцы. Теперь спокойно на душе, и думать о ваших любовных засадах даже немного смешно. Что ж, можно пожелать кому-нибудь удачи. А мне еще с Ольгой надо переговорить», - немного поморщившись, Костя с легким удивлением прогнал прочь показавшийся почему-то намек на ревность (с чего бы это, вроде точки расставлены?!), и тут же занялся разглядыванием стоящего впереди химического шкафчика. В стекле дверцы класс был как на ладони; молодой человек искал отражение весьма необходимой парты, пока острая решимость извиниться не испарилась без следа. Необходимый объект был быстро лоцирован. Посетовав на плохое изображение, Костя все же порадовался присутствию нужного лица. Она, конечно же, читала. Умница, да и только! И красивая, и вообще... Внезапно он потупился – поймал себя на том, что собственную персону пытался в чем-то уговорить. Да нет, показалось! Точно показалось. Ведь именно так – она самая-самая. Может, и не надо извиняться? А пойти и сесть рядом! А эти двое пусть несут почетный караул на природе, пытаюсь поймать призрака. Надо подумать, идея неплохая... С чего начать разговор? Так, она вроде бы хотела в универ поступать. Напрягаемся, вспоминаем – даже говорила что-то про факультет, вот только я прохлопал ушами. Нет, не на химию, и, безусловно, не на математику с физикой (Костя поежился – терпеть не мог девушек, соображающих в математике; может, потому, что они понимали в языке Вселенной больше него), а... Куда же, куда?! Хорошо, придется побыть ослом какое-то время, заработал. Хотя такой расклад даже на руку – вот и завязка разговора! Ай, да я! Все же общение с женщинами – врожденный талант.

Костя горделиво вперился в раскрытый учебник. Порядок, все по своим углам. Тактика беседы намечена, стратегия определена еще ночью, дело за малым – действовать! Пересест сейчас? Плевать, что на дефиле обратят внимание двадцать пять человек, присутствующие в классе – решение принято. Итак...

Как в сказке, в этот момент заходит химичка и тем самым лишает Иванова возможности немедленно решить зудящую проблему. Что ж, придется потерпеть. Не беда. Костя опять погрузился в попытки прочитать то, что надо было изучить еще три дня назад...

Через пятнадцать минут от начала занятия, когда преподавательский обстрел был в самом разгаре, и несколько человек вокруг Иванова были подбиты и дымились от полученных прямой наводкой ручки в журнал двоек, а сам он при каждом новом готовящемся залпе рефлекторно вжимал голову в плечи все сильнее, лихорадочно твердя сжатыми зубами «пронеси, пронеси!», дверь в очаг химического поражения бесстрашно и без стука отворилась, и послышался задыхающийся голос Сидорова:

- Виктория Юрьевна, можно войти?

Обстрел на секунду прекратился. Прицел начал медленно перемещаться по клеточкам с фамилии Иванов на стоящего в проходе. Когда же Сидоров был пойман на мушку, всегда любившая пошутить химичка ответила:

- Конечно, Сидоров. Только после того, как поведаешь одноклассникам химические свойства азота.

Опоздавший отразил на лице промелькнувшую за пару секунд гамму посетивших чувств – от растерянности до раскаяния; он оказался совершенно не готов не только к уроку, но и к внезапной засаде. Нерешительно шагнув внутрь класса, обреченно начал привычную тянучку:

- Ну... Азот – газ, формула у него эн два... Его не видно.

- Да что ты?! – изумленно прошептала химичка, - потрясающие знания физических свойств. Но мы ждем другой информации, Андрей.

- Химические? - вяло улыбнулся Сидор.

- Ага. Смелей! Ты уже на шаг ближе к парте. Продолжай.

Андрей почувствовал, как через несколько секунд его пробьет навывлет холодный пот от готовящейся к запуску двойки. Виктория Юрьевна, конечно же, не посмотрит на неустойчивое душевное состояние опоздавшего и неминуемо даст залп. И он тихо и побеждено затлеет – так же, как дымятся сейчас лежащие на партах Вовка, Тима Крючков и многие другие. Оставалась только надежда на друзей – они помогали всегда, как могли, и без оглядки. Сидор скосил глаза в привычном направлении... Петрова нет, а Костя, едва увидев его глаза, сразу же начал что-то радировать, бросая беглые взгляды в учебник. Но, увы, Андрей не силен в сурдопереводах; гибель неизбежна. Но подумал совсем о другом; едва завидев привычную картину, выдохнул с облегчением. Все хорошо, у них с Ивановым все по-прежнему. Вчерашняя потеря оказалась дурным сном. Сереги нет, и ладно – разберемся позже; главное, что произошедшее не раскидало по углам хотя бы их двоих, мы все еще банда. Ведь именно так Костик подсказывал и в седьмом, и в девятом классах, и две недели назад на той же химии! Кстати, ситуация повторялась до деталей: тогда Иванов вещал немного четче, но Андрей все равно ничего не понял и получил достойную оценку. История делала очередной виток.

- Так, Сидоров, - начала было оглашать приговор химичка, но опоздавший успел наметить план обходного маневра.

- Ну, в общем, азот... Азот?

- Азот. Как ты недавно открыл аудитории, эн-два.

- Да. Эн два. Вот, значит... Эн два.

- Эн два... - родовспомогала Виктория Юрьевна.

- Есть мнение, что эн два вступает в реакции нейтрализации.

Небольшая пауза показала опрометчивость принятого решения.

- Нет, Сидоров. Эн два мимо. Очень даже мимо. Теперь моя очередь, - химичка протянула к себе журнал и, медленно скользя по клеточкам, сделала свой выстрел, - эс, то есть Сидоров, два. Попала, кажется? Пожалуйста, Сидоров, теперь можешь занять свое место на кладбище погибших кораблей.

Сидоров, внезапно с гордостью просветлев, уверенной походкой отправился на законное место, в округе которого оставался единственный не подбитый челнок - Костя.

- А мы продолжим, - раздалась закономерная фраза химички.

- Виктория Юрьевна, наша очередь стрелять, - попытался внести элемент комизма в происходящую бойню Бубновский.

- Бубновский, Вы, кажется, уже отвечали? Это не помешает попробовать еще разок. Думаю, с тем же успехом. Что касается очереди, так моя будет всегда. Жаль, что вы это осознали только к концу пребывания в школе. Ладно, господа выпускники, пора продолжить выяснения вашего уровня развития. Итак. Иванов. Расскажите нам, пожалуйста...

Костя продержался немногим дольше, чем опоздавший друг. В скором времени вся галерка, за исключением нескольких человек с преимущественно женскими лицами (среди которых была, конечно же, Оля), сидела, молча опустив головы.

Внезапно Иванов почувствовал дружеское подергивание собственного ребра – Сидор вызывал на связь. Полуобернувшись, он показал, что готов к контакту.

- Где Петро? – прошипел сзади Андрей, всячески маскируясь от второй двойки.

- Там же, откуда ты опоздал!!!

- Ты о чем, Костик?!

- Ты знаешь, о чем!

С парты сзади сначала раздалось обычное сидоровское раздраженное пыхтение, но привычной реакции не последовало; внезапно прервав вздохи недовольства, Андрей прошептал, опять ткнув Иванова под ребра:

- Слышь, Кость... Я там не был сегодня. Просто проспал.

- Ага, рассказывай! – бросил через плечо Костя и через секунду почувствовал скорый сидоровский кулак, по-дружески боднувший поясницу. Взвизываясь, он едва было собрался разразиться выражениями, но обидчик вдруг миро произнес:

- Я не ходил в парк, Кость. Очень хотел, но не пошел. Закрыв глаза, сжал зубы и прошел мимо.

- И что? – не выдержав единомыслия, обернулся назад Иванов.

- А ничего, - спокойно пожал плечами Андрей, - вообще ничего.

Костя, проглотив внезапно ставшие ненужными вопросы, слегка облегченно повернулся обратно. Мысленно, с досадой, отмахнув внезапно прибежавшее чувство небольшой победы, он снова почувствовал распутье: вроде бы было отлично, что один из друзей внезапно подпел на той же волне, а с другой стороны, радовало ощущение отпада очередного конкурента... Да что за глупости, это же наш Андрюха!!! О чем я?! Правда только то, что мы снова вместе, пока Петро там в кустах сидит. Это уже гораздо легче, чем быть одному... Еще немного поразмыслив, Иванов наконец-то справился с эмоциями и вполне здраво рассудил, что они с Сидорком определенно на пути выздоровления от внезапной бубонной чумы, поразившей троицу из кустов – настолько было контагиозно свалившееся из ниоткуда чувство полной потери себя. И пора бы отогнать окончательно мелькавшие на заднем плане тени сомнений. Казалось, проблема была настолько очевидна, что рецепты выздоровления сами валились в голову целыми томами. Наконец-то он смог оседлать свой вечный безумный ветер, кидавший в разные стороны в самое неожиданное время, и периодически уносивший разум вместе с чувством здравого смысла прочь! Сейчас все виделось простым и понятным, и стояло именно в тех местах, где и поставил рассудок.

Тем временем, недовольная сокрушительной победой, Виктория Юрьевна встала, захлопнув журнал двумя руками, и заявила:

- Вот что, уважаемые. Без намека на уважение сообщаю всем, что осталось всего несколько занятий, а вы уже успели попрощаться с предметом! Это ошибка. Позволю себе напомнить, что впереди экзамены, и ваш химический нигилизм к добру и хорошим оценкам не приведет. Конечно же, химия не вся ваша жизнь... Особенно вряд ли она понадобится Смирнову и Иванову, который даже ухом не ведет на мое обращение, предпочитая беседу с другим светочем естественных наук Сидоровым. Поздно, Иванов, Ваш затылок все пропустил. Ребята, будьте образованными людьми! Имейте хотя бы представление о предмете!

Из глубины класса тихо отозвался одинокий голос:

- Да мы имеем...

- Судя по этому, - химичка свободной рукой похлопала по журналу, - даже отдаленного нет. Сейчас оставляю вас наедине с учебниками и совестью, если кто-то последнюю дома не оставил. На втором часе поговорим о впечатлениях от прочитанного.

Устыдив таким образом выпускников, она удалилась. Костя не замедлил развернуться назад.

- Ну и что? – быстро спросил он, почему-то желая продолжить ту самую тему.

- Что «и что»? Думал, думал... Полночи думал, пытался разобраться. А под утро просто махнул рукой. Показалось. Ничего не было.

- Ты о чем?

Сидоров оглядел скрученного на сто восемьдесят градусов друга как полного идиота.

- Кость, не прикидывайся. Тебе ведь тоже показалось, что влюбился в нее по уши!

Пойманный наивной простотой на казавшейся такой тонкой интриге, Костя фыркнул. Но через секунду понял, что лучше говорить начистоту, как всегда.

- Да, было такое.

Они помолчали. Косте вся эта тема встала опять поперек горла – обсуждать детали не хотелось, особенно с Андрюхой. Несмотря на звание «один из двоих лучших друзей». Кажется, то же чувствовал и Сидоров.

- Экзамены скоро, - задумчиво, словно окончательно прощаясь с чем-то дорогим, вздохнул тот, - пора учиться начинать.

- Ага! – с готовностью поддакнул Иванов, - у меня как раз с французским проблемы.

Сидор вдруг рассмеялся. Косте polegало – тема наконец-то отскочила.

- Французский! Кость, да у нас сплошные хвосты, косяки и пробелы!!!

- Все! Учимся! – Иванов отвернулся, решительно придвинув ближе химический кладезь.

Оставшееся от урока время они с честным видом пытались разглядеть буквы и формулы. Однако, сразу после звонка, раздалось два мгновенных хлопка быстро закрытых книг. Еще раз переглянувшись, оба встали.

- Джакомо, ты обещал с Ольгой поговорить за перемену.

- Я не Казанова! – огрызнулся Костя, - когда вы угомонитесь?! Ну, обещал... Помню. Сейчас, дай потянуться.

Ольга с подругами тем временем скрылась за пределами классной комнаты. Иванов, для бодрости потеряв уши, почувствовал шлепок поддержки между лопаток:

- Давай скорее, кавалер, дама улепetyвает! Я за тобой.

Отбросив сомнения, Костя направился к двери. Но в самый нужный момент поход был прерван неожиданным появлением привидения – в проходе они чуть не сбили с трудом входившего Петрова.

- Подождать придется, бодрячки, - опершись о косяк, Сергей остановился, - проезд занят инвалидом.

- Вот тебе новости! – присвистнул Сидоров, - ты чего это, Серег? На тебе лица нет!

- На мне ноги нет, шутики, - смерил вчерашних предателей праведным взглядом калека, - говорил же, пошли играть! Без вас всю схему пришлось менять, вот и побегал за Сидора в виде нападающего. За что и поплатился. Тяжеловат оказался, не ушел, черт вас за хвост в баранку... Трижды.

Петров, оставив в покое косяк, с сильной хромотой проковылял к стоящим в коридоре креслам. Друзья гуськом проследовали за ним, наблюдая последствия своих слабостей. Пострадавший, тяжело взгромоздясь на стул, после внушительной паузы изрек:

- Ну?

Подразумевались извинения. Судя по выражению лица, ночные кошмары сегодня Петрова не побеспокоили, сплоченной толпой посетив исключительно двоих футбольных отщепенцев. Или, если даже мешали, то несильно. Но беглого осмотра было недостаточно, и Костя издалека начал прощупывать петровскую душу:

- Прости, Петросян. Что, сильно ударился?

- Я шел сегодня от дома сорок минут! – веско ответил травмированный. - Вот и представь. Меня бабки с клюшками обгоняли, как стоячего!!! Еще и косились, как на убогого!

- Стоял, что ли? – продолжил обходной маневр Иванов, но дипломатия была ненавязчиво испорчена лишенным политических талантов Сидоровым.

- Как ночью-то спалось, Серго?

Иванова передернуло; закатив глаза, он повернулся к упрямцу, только что вероломно разрушившего многоходовую стройную комбинацию. Петров, по очереди оглядывая то одного, то другого, удивленно наморщил лоб:

- Чего?

- Сидор хотел узнать, как сильно болела травма в ночное время, - попытался спасти положение Костя, брякнув первое, что пришло в голову.

- Травмы не болят. Нога ныла всю ночь, - отрезал Петров.

Отщепенцы переглянулись – он тоже мучился видениями!!! Мы на правильном пути!

- Нить-то ныла, но это не помешало мне уснуть в двенадцать.

Андрея вдруг настиг нервный смешок. Воцарилась не совсем однозначная пауза, во время которой Костя быстрой переменной гримас показал, что тонкая дипломатия провалена, и он слагает с себя полномочия, и ты, Сидор, просто округлый дурень, а Сергей не сводил с них изумленного взгляда.

- Слушайте, что происходит? – наконец молвил он.

- Уже ничего, - растерянно отозвался Сидоров.

- Ну, ничего, так ничего, - вдруг усмехнулся Петров, - все с вами ясно, дипломаты домо- рощенные. В зеркало на себя посмотрите.

Политиканы переглянулись, нахмурено оглядев друг друга. Петровская фраза, как часто бывало, разрешила одномоментно сразу пучок вопросов. Да, он действительно думал вчера о произошедшем, и довольно долго, и тоже не спал полночи на ту же тему. По пытавшимся быть хитрыми вопросам раскусил тончайшие ходы Иванова (не без помощи потерянной головы Сидорова, выдававшей все подряд); и, в конце концов, короткой фразой показал друзьям: хватит. Несказанные мысли не стоит превращать в объявленную войну. Мы снова вместе, мы те же, кто дружно гонял вчера по тротуару банку и ел мороженое. И довольно об этом.

Все трое засмеялись – наконец-то гора с плеч! Ни у кого не осталось и малого осадка после немой враждебной паузы на сутки. Жизнь вернулась на круги своя, словно вправленное доктором плечо, и боль сразу же прошла; словно ничего и не было.

- На улицу? – дернул бровью в направлении выхода Иванов. Петров несколько сокрушенно покачал головой: этому скакуну любое стойло будет не по размеру, все на лужок норовит.

- Джакомо...

- Да вы сговорились, что ли??!! – подпрыгнул Костя, - сделаю я, сделаю! Только не сейчас. Ну, давайте хоть эту перемену проведем спокойно и по-мужски. В смысле, без женского общества и воспоминаний о нем!

- Пивка и на футбол? – хихикнул Сидор, - шучу. Мы приняли твое сообщение. Идет обработка.

- Ладно уж, так и быть, - кивнул Сергей, - отложим беседы на потом. Только не забудь, Джакомушка, а то мы тебя знаем.

6- Вы плохо знаете мою лучшую сторону!

- Это где? – поинтересовался с ухмылкой Андрей.

- Где-то внутри... На досуге расскажу.

Проведя десять минут перерыва в обычных шутках, смешках и дружеских подтруниваниях, они встретили ненавистный звонок на урок с полным зарядом бодрости, хорошего настроения и решимости дать химичке какой-никакой отпор в ходе очередных маневров. Благо терять было нечего... Без суеты, словно старослужащие перед дембелем, двинулись к кабинету, в дверях которого исчезали последние одноклассники. Петров с удовольствием принял предложение пары двуногих костылей воспользоваться услугами по доставке; опершись им на плечи, начал неторопливо и с достоинством прыгать на оставшейся невредимой конечности. Почти достигнув объекта, они никак не могли унять смешки и взаимные подначки, несмотря на тяжелое затишье, доносившееся из-за открытой двери кабинета.

- Петро, прибавь газу, а то перед носом захлопнут, чего доброго! – ретиво тянул вперед правый костыль Костя.

- Да и ладно, - отозвался левый, сбавляя ход, - хуже не будет!

- Ничего, ребята, - успокоил пострадавший, - у нас теперь целый поезд времени.

Внезапно сзади их догнали тихие шаги и знакомый голос:

- Вот до чего доводят прогулы, - на этот раз классная дама явно пыталась пошутить, словно для кого-то. - Сережа, что с тобой приключилось?

- Какая забота!!! – тихо вздохнул Петров.

- Готовь скупую слезу, - шепнул Сидор.

- Я вытру, не бойсь, - поддакнул Костя, - только с соплями сам борись.

Давя смех, костыльная композиция после недолгого прицеливания совершила разворот с целью предоставить руководительнице для общения лицо, а не спину, пострадавшего. Однако, сразу после окончания маневра и поднятия глаз все трое окаменели. С лиц начали медленно стекать улыбки, от макушек до пяток продрал мороз... Бурная пенистая река, опять схватив холодными руками, в одно мгновение погрузила сразу ко дну, сбив дыхание и залив глаза и уши, лишив возможности глубоко и свободно вдохнуть и снова услышать собственные призывы о помощи, обращенные к друзьям. Но выплывать совсем не хотелось. Холод происходящего намертво сковал конечности, оставив лишь оцепенелость. Не думая о прожитых за последние сутки переживаниях, не представляя последствий этого плавания, они с ускорением свободного падения понеслись по течению, потеряв время и пространство. По волнам той самой реки, из которой только что еле выбрались...

За классной дамой стояла Она.

Немного смущенно опустив голову, девушка словно чувствовала происходящее с ними – на лице отражался едва заметный отблеск смуты и тревоги. Ежесекундно оглядывая застывшую троицу своими огромными глазами, она немного растерянно хлопала ресницами, пытаясь понять происходящее.

- Сережа! – классная, похоже, не заметила в поведении ребят ничего необычного, - может, «скорую» вызвать? Ты какой-то бледный.

- Это нога бледная, - не сводя взора с красоты, прошептал Петров, - а у нас химия. Нельзя пропускать химию.

- Похвальное рвение, - понимающе кивнула она, - так что стоим? Проходите!

- После вас, - отозвался бесцветным голосом Костя; ему почему-то казалось, что обе дамы следуют тем же маршрутом.

- Мы больше никуда не торопимся, - как-то слишком обреченно добавил Андрей, чувствуя безвыходность и безнадежность будущих попыток вернуть спокойствие; волна накрыла всех с головой, свет потерялся. Оставались только ее глаза, лишавшие слов и дыхания.

- Хорошо, - пожала плечами классная руководительница, - Алена, проходи вперед. Не стесняйся, ребята все хорошие.

Девушка молча прошла внутрь и остановилась у доски, ожидая представления.

- Дети, внимание! – сделала шаг вперед классная, - у нас пополнение. Девушку зовут Алена. Прибыла к нам из города Петербурга. В силу жизненных обстоятельств она будет доучиваться с вами и вместе сдавать экзамены. Прошу любить и жаловать, и всячески помогать.

- Садись со мной! – кивнула новенькой Верка, - я самая пушистая. Да и место самое свободное.

Троица в дверях изо всех сил пыталась просочиться внутрь. Но ни ноги, ни костыли уже не слушались...

-3-

- До них двести метров! – донесся голос Иванова, - пока что оглядываются. У нас минут пять.

Петров переключился на свой рюкзак. Запустив руку в боковой карман, достал переговорные устройства, найденные на корабле.

- Костик, Андрюх, ловите! На всякий случай. Цепляйте сразу.

- Петро, надо делиться! - Сидоров, схватив свой рюкзак, кошкой подскочил к нему. - Кто-то с Кристиной, остальные на поиски!

- Я о том же думаю, - кивнул Петров, цепляя на себя переговорное устройство, - я пойду.

- Нет, Серго, нет! Не подумай, что опять на подвиг тянет, или счеты сводить с неудачами, - мягко придержал его Андрей, - у меня перед белым кроликом должок, да и лучше тебя никто парней не спасет. Ты же вождь, тебе и стадо к водопою вести!

Сергей сосредоточенно обдумывал новую идею – звучало логично. При любом раскладе в отрыв лучше уходить Сидорову, он и впрямь легче и мобильнее. Костик чего-то сейчас слишком отчаянно тормозит. Ну, а сам... Андрюха прав, взрослую ответственность за команду он чувствовал давно, часто просто продавливая решение. И получалось это как-то само собой, невидимо, без насилия. Все замолкали и внимательно слушали, будто ждали заключения именно от него.

- Не вляпайся никуда! – вставая, Петров хлопнул друга по плечу. - Какое время?

- Вы будете там минут через тридцать... Для хорошего осмотра не меньше часа, итого полтора.

- Хорошо, Сидорук, будь по-твоему. Ребята, подъем! – он одним движением, встав, выдернул Алену из задумчивости, - слушайте! Нам нужно снова кое-что поменять.

Костя, краем уха слышавший новый план, быстро надел переговорник и поправил наушник. Алена встала на ноги, по-прежнему пытаюсь выбраться из глубоких пучин собственных переживаний.

- Кристине придется растряссти свое плохое настроение в компании Андрюхи. Остальные идут со мной на поиски Макса и Алекса.

Кристина, почти выйдя из забытья, оглядывала окружающих, пытаюсь понять происходящее. Алена, услышав эти слова, болезненно зажмурилась, предварительно бросив короткий взгляд на Иванова.

- Махнемся, - Петров взял рюкзак Андрея, - мой легче, ты что-то с горкой нахлобучил.

- Хорошо. Верну, - Андрей в обмен протянул листок из блокнота, - координаты места падения. Я запомнил, не волнуйся.

Оба понимали, что интенсивной беготне с оружием и полуобморочной девушкой тяжелый груз не способствует.

- Выбрось, если что, - отрезал Сергей, - выходим!

Вождь первым перемахнул бруствер. Андрей, схватив Кристину за руку и что-то шепнув ей в ухо, мгновенно рванул прочь от пропасти, вдоль холма с преследователями. Пропустив остатки группы вперед, Петров еще раз оглянулся на убегающего Сидорова, внезапно ощутив тоску по былым временам, когда самой большой проблемой была занявшая всю голову новенькая. Да, сейчас все по-другому, его авторитет больше непререкаем, и он не чувствует больше тяжести самовольного принятия решения, потому что неприятности и дороги укрепили всех в мысли, что будет принято верное решение, что Сергей продумал всё. И начало всей истории теперь не вызывало ничего, кроме щемящего чувства ностальгии по самому началу, когда простое еще казалось сложным...

Следующая неделя проплыла в полном тумане. Одна фраза классной дамы, представившей новенькую классу, раскидала стройные мосты, наведенные годами и чуть не посыпавшиеся после встречи в парке. Несколько слов, совсем чуток новой информации – и годами возводимые строения со страшным треском взорвались, раскидав друзей в разные стороны. Произошло невозможное: даже не пытаюсь справиться с собой, они сидели порознь, совсем не общались на переменах, предпочитая одиночество с потерянным взглядом в пол или парту.

На вопросы окружающих отвечали «да» или «нет», лишь изредка выходя с кем-либо на более продолжительный контакт, иногда достигавший минуты. Они совершенно не учились ни дома, ни в школе, пустыми глазами часами читая одну и ту же строчку и ничегошеньки не запоминая. Завернувшись каждый в свой кокон, буквально впали в спячку, не проявляя к окружающему никакого интереса. Хорошо, что в предэкзаменационной суете этого почти никто не замечал – у одноклассников начинались пока едва ощутимые, но с каждым днем все более четкие подземные толчки, сотрясавшие кору головного мозга и центры тревоги и неусидчивости сильнее и сильнее. Впереди маячили выпускные экзамены!!! Жуть.

Алена вела себя вполне естественно для человека, попавшего в незнакомый коллектив на ограниченное время: ничуть не отчуждаясь, охотно отвечала шедшим на контакт, неизменно доброжелательно, но без заискиваний. Одновременно с тем сама не начинала разговор, кроме случаев необходимости; из любых ситуаций выходила легко и с достоинством. В учебу влилась мгновенно, уже на следующий день без пауз и заиканий своим языком излагая заданный материал (и откуда только узнала о задании?!). Прекрасное сочетание отличной памяти, внимания и логики делали ее ответы притягательными; все выходило очень стройно, речь была последовательна, ясна и богата правильно произнесенными словами (лексикон девушки был весьма внушительным и частенько удивлял вполне известными, но редко используемыми словами). За несколько дней приглядевшись ко всем, начала понемногу проявлять чувство юмора, да так тонко и ненавязчиво, что любители пошутить чуть ли не аплодировали. Впрочем, как и сама обладательница указанных талантов; после долгих расспросов девицам удалось вывести происхождение восточных нот внешности новенькой. Ответ был прост – солидная порция греческой крови наградила тем самым волшебным разрезом глаз, а европейские предки вывели лишнюю чернявость Востока, капнув в светло-карую роговицу оливкового цвета и немного осветлив густую шевелюру. Необычная родословная вызвала волну интереса – пришлось уступить вежливому давлению одноклассников и рассказать о себе немного больше. Но главный вопрос – почему именно состоялась ссылка такой показательной «спортсменки и комсомолки» подальше от цивилизованной Европы к бабуле (пусть бабка и работает ведущим научным сотрудником одного из известных всему миру НИИ), остался без ответа. Только слухи, что здесь труднее экзаменационные задания, и что получить нужный бал при наличии хороших знаний можно и далеко от столиц, и что кто-то что-то кому-то захотел доказать... Что-то шептали про неудачную любовь, непонимающих родителей. Просто в настоящее время так надо, где поступать в университет, еще не решили. То ли здесь, то ли там... Конечно же, три пары ушей жадно ловили каждое слово, сказанное как новенькой, так и о ней. И, сразу после очередной новости, обладатели последних погружались еще глубже в смятение. Чутье не обмануло тогда в парке... Это была действительно Она. Обычная вроде бы красавица, по капле занимавшая все свободное пространство.

Очень выгодно отличало девушку от настоящих заучек отношение к учебе как к очень важному, но не решительному предмету в жизни. Через три дня она, оказывается, уже нашла поблизости неплохую хореографическую студию – Верка в первый же день выведала, что новенькая танцует все подряд с трех лет, и что без классического тренажа хотя бы пару раз в неделю чувствует себя как бросающий курильщик, вспоминая о сизых клубах; начинало ломать. Об утренних пробежках промолчала; как только один из парней в шутку спросил об этом, просто улыбнулась, пожав плечами. Но трое страдальцев успели поймать немного нерешительно брошенный в их сторону взгляд – Алена будто бы хотела убедиться, что они промолчат о первой встрече. А может, и нет – казалось, она легко могла просчитать молчание, ведь последнее время они вообще редко рот открывали. Тогда зачем смотрела?! Размышлений хватило дня на два. Потом снова началась тоска – все, включая Алену, активно сосредоточились на учебе и подготовке к экзаменам. Начиная было задумчиво таращиться в спину новенькой одноклассники постепенно начали подчиняться закону, согласно которому продол-

жительность и количество взглядов были пропорциональны числу дней до экзаменов. Но здесь поднимался другой закон – в каждом правиле существуют исключения. Здесь их было минимум три. И эти исключения упорно занимались тем же снова и снова, вопреки всем и всему.

Но попытки поймать хоть секунду кусочек ее внимания были тщетны – новенькая была полностью погружена в учебу. По крайней мере, так казалось... Никто из троицы не знал, что по несколько раз за день девушке приходила одна и та же мысль: почему с ней свободно общаются все, кроме них? Вроде бы должно быть наоборот – благодаря нелепице, они уже однажды встретились в парке. Ведь ничего же страшного не произошло для того, чтобы вообще не говорить друг другу ни слова. Постоянная мрачность и необщительность друзей совсем не располагали к контакту, и девушка с непонятной тревогой ожидала первого шага от них. Иногда думала, что ребята считают ее виноватой в чем-то, тем более что самый большой из них (Петрову к восемнадцати почти стукнуло метр девяносто пять; успешно подогнав за последний год мускулатуру под рост, выглядел довольно гармонично) почему-то хромотал. Хотя он-то, как раз, в стычке не участвовал. Немного непривычно для себя внутренне фыркая, она думала: ну и пусть себе сидят, надувшись, если у них такое мнение! И снова углублялась в материал. Но на самом дне души оставался маленький червячок-сомнение: что-то не так. Не похоже, что так все просто. Так в чем же дело?!

К концу следующей недели наконец-то спелло что-то вроде решения – дальше так продолжаться не может. Все трое дико устали от переживаний, нагнетания обстановки и бессмысленного изучения ее меняющихся причесок. Первым направить свой беспорядок в нужное русло смог Костя, и получилось это настолько спонтанно и натурально, что позже удивился сам; ведь еще пару дней назад пробовал сказать что-нибудь ей (в мыслях, конечно), и язык мгновенно сох. Петров, пораздумав, решил просто заняться учебой, и, как настоящий трудолюбивый, отгонял мысли книгами, конспектами и компьютером. Глядя на него, тем же вяло занялся Андрей, но в силу жестокой непоседливости свободное время пытался проводить в спортзале, нещадно убивая грушу, или на стадионе. Подальше от парка, совсем не ища встречи, а скорее избегая ее. Уматывались в своих упражнениях все, по вечерам падая в постели с пустой головой и тяжелым ощущением, что завтра будет точно такой же день. Постепенно привыкшая к новой обстановке девушка, по отрывочным косвенным крупным данным информации от одноклассников, собрала общую картину – дружили не разлей вода, и вдруг... Спокойно подумать можно было только по дороге домой, но последние пару дней, после данного вывода, пытались проводить другие ребята. Внутри появилась неясная пока тревога. Но она очень четко понимала, что беспокойные колебания душевного равновесия как-то связаны с потерянной троицей. Версия с обидой перестала быть актуальной, но непонятное чувство вины усиливалось. По неясной причине, как не бывало никогда, она иногда смущалась на пустом месте, и боялась обернуться назад еще сильнее. Иногда чувствовала, как что-то физически давит то на спину, то на затылок; пару раз охватывала необъяснимая паника, словно сзади накатывалась цунами или взрывался вулкан. А вчера вечером, ложась спать, неожиданно поняла, что думает об этом больше, чем надо, что начинает мешать учебе... С такими настроениями четверка встретила новый день, не обещавший ничего нового. Все было как обычно: пара литературы и плавное просыпание на первом уроке, вялые попытки ответов, переход в другой класс, конец первого часа экономики... Одноклассники валились в ежедневную колею, занимаясь привычными делами. И никто не ожидал, что именно сейчас, через несколько минут, жизнь начнет меняться настолько стремительно, что некогда будет даже подумать: кто именно свел их четверых в ту секунду в одном месте? Кто ясно дал понять Алене, что, как ни отталкивайся руками и ногами от приходящих сами по себе мыслей, как ни тяни время, как ни пытайся остаться в стороне и объяснять пассивность тем, что совершенно ничего о них не знаешь, она составляет ровно четверть одного целого. Чего именно, девушка еще долго не могла понять, но в ту секунду отчетливо поняла – они и есть три четверти того же.

Андрей стоял у окна недалеко от ее парты, спиной ко всем, созерцая качающиеся почти у самого носа молодые листики и медленно вдыхая свежий аромат. Занесло его сюда случайно: произведя променад по коридору для восстановления засиженной пятой точки, направлялся к своему месту и не удержался не высунуться в открытое окно, завидев такую красоту. На ее случайную фразу, обращенную к себе, не надеялся, полностью погрузившись в природу.

Костя, устало потерев глаза, захлопнул надоевшую до колик книгу и, решив сменить умственную деятельность на физическую, встал, и вышел в проход между рядами с целью заменить Сидора, оставившего наконец-то коридор.

В этот же момент навстречу ему вырулил Петров, что-то только что пытливым выспрашивавший у училки в лаборантской; удовлетворив студенческую жажду познания, он, задумчиво перебирая в голове ответы, двинулся в противоположном ивановскому направлении.

И как так вышло, что именно сейчас Сидорову надоело тарашиться на растительность, и он сделал шаг назад, разворачиваясь уже на ходу. Чуть не столкнувшись с Петровым, автоматически без слов отсемафорил бывшему инвалиду: проходи. Сергей, так же молча кивнул – спасибо – и двинулся вперед. Андрей, выждав метр, пошел следом. Было закономерно, что все трое встретились в узком проходе; но самым интересным было то, что встреча состоялась как раз у Ее парты. Иванов, недолго думая, посторонился, пропуская обоих назад; протискивая нехилую тушку в узкое пространство между столом и Костей, Петров случайно зацепил рукой лежавшие на самом углу книги девушки, не замедлившие упасть на пол. Занятая своими делами Алена, так и не увидевшая рулежки в пробке, повернулась на звук упавших предметов. Не утруждаясь выяснением, кто виноват, она начала нагибаться за ними. Но кто бы знал, что трое бывших друзей окажутся настолько джентльменами, что без всяких раздумий сделают то же самое?! Не обращая внимания один на другого, они резко нагнулись...

Судя по единому звуку, столкнулись все четверо одновременно, разное было. Глухой гул быстро испарился из ушей, унося с собой старую жизнь. Немного морщась, они разогнулись, потирая пострадавшие места и с интересом разглядывая друг друга. И вдруг Алена не выдержала и засмеялась, найдя ситуацию немного комичной. Вслед за ней заулыбались и ребята.

- Как ты в целом? – решил осведомиться у девушки Андрей, - не больно? Сегодня полегче, чем в прошлый раз!

- Да, опыт все же набивается, - кивнула она, - вы сами-то как?

Она по очереди оглядела троицу. Петров, слегка улыбнувшись, пожал плечами.

- Нашу лобовую броню так просто не пробить, - ответил Костя, - только гнется, но не ломается!

Алена снова рассмеялась. Ответы ей понравились, ребята явно с юмором на одной ноге. Тут-то закаленный в общении с противоположным полом Иванов и решил ковать, пока горячо.

- Так! – решительно сказал он; двое других молодых людей изумленно посмотрели на него, - оставайтесь на своих местах, я сейчас все подниму!

- Давай-ка лучше я! – тут же протараторил Сидоров, начав делать намек на движение, но фраза девушки остановила его.

- Не беспокойтесь, ребят, я сама справлюсь! – сказала она и уже начала нагибаться, как вдруг почувствовала на плече знакомую по предыдущей встрече руку.

- Нет, подожди, - твердо удержал Костя, - я.

Он нагнулся и поднял раскиданные по полу знания. Вручив хозяйке, слегка по-гусарски кивнул.

- Спасибо...

- Костя, - ненавязчиво заканчивая мысль, представился счастливчик.

- Спасибо, Костя. Меня зовут Алена.

- Да мы вроде бы в курсе, - наконец-то выдавил слова Петров; чувствовалось очень хорошо, как недавнюю улыбку за секунду поменяла густая туча. Девушке стало не по себе от такой перемены: что-то только что произошло, нечто очень нехорошее, и она ощущала это всей кожей. Но что именно?! Снова тревожно забилось сердце.

- Вот как? – растерянно произнесла она, опуская глаза.

- Все знают, - ляпнул с каким-то ожесточением Андрей, отворачивая перекошенное лицо к своим умиротворяющим листочкам.

- Одна сегодня сидишь? – не снижая напора, продолжал Иванов, - а Вера где?

- Вроде в институте какие-то переговоры, с родителями уехала с утра. Не знаю точно, - девушка, не понимая направленности разговора, не успевала ничего сообразить и от этого терялась еще больше; она не сводила взгляда с мрачневшего с каждой секундой Сергея, и краем глаза видела, что Сидоров еле сдерживается. Бурное течение несло в непонятном направлении...

- Не будешь против, если я следующий час с тобой посижу? – окончательно огорошил Костя, кивнув пустовавший рядом с ней стул.

Отпираться было поздно; успела лишь подумать, что пресловутая цунами наконец-то догнала. Покоя теперь ожидать не приходилось.

- Конечно, - не совсем уверенно пожала она плечами, лихорадочно пытаясь понять, что здесь хорошо, а что плохо. Но ответ не замедлил дать о себе знать тотчас – Андрей, внезапно отвернувшись, вышел в коридор. Костя, исподлобья проводив его взглядом, пошел за своими вещами для передислокации. Уловив резкость, Алена по очереди оглядела спины уходящих. Внезапно почувствовав что-то, медленно подняла глаза на Сергея. И, соответственно собственным фантазиям, явственно прочитала: только что произошло непоправимое, и твоя вина не требует доказательств. Так нельзя было делать ни в коем случае! На мир теперь даже надежды нет. Девушка автоматически пыталась защититься извиняющимся видом – она поняла ошибку только сейчас. Происходящее было совершенно непонятно и недоступно, да и вины-то никакой не было; однако, очень хотелось сказать «прости», настолько у гиганта был горестный вид... Раздался звонок. Сергей, едва покачав головой, молча повернулся и поковылял к себе. Алена, несколько секунд потерянно посмотрев вслед, со вздохом села лицом к доске. Занятие началось, Костя уже устроился рядом, аккуратно разложив книги и тетради, Андрей еще где-то разгуливал, а в ее голове билась одна и та же мысль, вытеснившая все на свете: «Что происходит?!!!».

- Можешь не обращать на меня внимания, - спустя некоторое время тихо сказал Костя, - мешать не буду. Так, пару – тройку вопросов для себя освещу. Договорились?

- Хорошо, - недоуменно пожала плечами такому началу девушка.

Сидоров вернулся к середине урока; стиснув зубы и глядя в пустоту, промелькнул мимо сидящей впереди парочки, сверлившей его лицо каждый по-своему. Костя – немного набычившись, по-прежнему исподлобья; девушка, внутренне выражая что-то вроде сочувствия этому непонятному припадку ярости, неким образом связанному с ней, пыталась поймать взгляд и как-то дать понять свою невиновность. Но злобная тучка не обратила на них никакого внимания, через несколько секунд тяжело и нервно скрипнув стулом сзади. Только после этого Иванов, помедлив еще немного, начал пристрелку.

- Можно приступать?

- К чему?

- К осветительным работам. Я о нашей договоренности. Интересно о тебе узнать побольше.

«Что же раньше молчали, когда все спрашивали?» - подумала она, но сказать вслух не решилась; ситуация была настолько необычна и непонятна, что лишние слова могли испортить остатки. Она неопределенно пожала плечами – давай, узнавай.

- Ты любишь... Готовить? – девушка чуть было не прыснула; начало было весьма многообещающим. Вопрос обещал быть совсем не таким.

- Люблю.

Легкими ненавязчивыми расспросами коварный казанова добился главного – контакт был установлен. Даже удалось вернуть несколько удачных шуток, новенькая посмеялась от души. После поверхностного общения с другими одноклассниками сейчас Алена поняла, что, благодаря паре неожиданных столкновений, вышла на совершенно другую орбиту. Судя по первому прорвавшемуся к ней представителю, компания друзей обещала быть весьма впечатляющей. Понемногу привыкнув к нему, девушка полностью погрузилась в беседу, благо материал занятия был знаком, и стоять у доски ей не светило. Помня, однако, о недовольстве двоих оставшихся сзади, старалась не давать им лишнего повода для глупых фантазий. Чувствуя старание соседки соблюдать нейтралитет, Костя не напирал. Пытаясь обезоружить ее внимание, болтал о всякой чепухе, больше вытягивая на откровенности – о книгах, о танцах, фильмах и сценах из них, о Питере... А Алена все ждала и ждала: вот-вот мелькнет хоть что-нибудь, проливающее свет на происходящее.

- Как тебе у нас в городе? Никто не обижает?

- Хорошо, спасибо. Кроме внезапного нападения в парке в первый день, всё было мирно.

- Да ты что?! – неспешно поднял брови Иванов, сочувственно покачивая головой, - и кто же эти вероломы? Может, их поймать?

- Представь, бежали. До сих пор не появлялись, хоть я и пыталась их найти. Прячутся почему-то. То ли обижаются, то ли думают, что натворили чего.

- А что, не натворили?

- Да нет, вроде бы никто не пострадал, - Алена не выдержала и улыбнулась в парту.

- Если хочешь, можно этих идиотов вместе сегодня поискать,- в его голосе скользнул намек на то, что это двуслойная шутка с налетом серьезности.

- Знаешь, мне иногда кажется, что они за спиной, - заговорщицки прошептала она, - и прячутся там. Мы пойдем в парк, а их уже там не будет! Они неуловимы, пока сами не захотят быть пойманными.

- Я знаю, как этих чертей прижать! - сложив кисть полутрубкой, пробубнил Иванов в ее сторону, соблюдая шпионские правила переговоров и глядя в сторону. - Есть кое-какой сыр, на который они клонут обязательно!

- Ну?! – сквозь смех едва выдавила она.

- Давай руку... - вдруг едва заметно сбив дыхание, прошептал он, - покажу.

Не поняв подвоха, девушка, увлекшись шпионскими играми и легким разговором, нарушила собственное же правило нейтралитета и протянула Косте открытую ладонь, ожидая приманки. Но попалась сама... Мягко взяв ее кисть, он положил сверху вторую руку. Алена замерла. Сердце подскочило.

- Где же сыр? – прошептала она.

- А ты и есть сыр, Аленушка. А я первый из тех негодяев, кто на него попался. Посмотри на меня, пожалуйста. Мне нужно твои глаза увидеть!

Весь нейтралитет катился в тартарары, пути назад уже не было. Оставалось лишь вообще выбросить всю эту историю из головы, либо идти до конца. Оба пути предполагали дослушать. Пришлось сделать над собой усилие и выполнить просьбу. От былой веселости на его лице не осталось и тени; теперь происходящее было очень серьезно.

- Говоришь, пострадавших не было... Это не так. С секунды твоего появления изменилось очень много. Подожди, не говори ничего. Сам не понимаю, зачем это говорю и делаю столько непонятных вещей, - вопреки обычной политике общения с девушками на этот раз Иванов действительно путался в мыслях и косноязычил безбожно; удачными ответами до мышеловки она показала, что простые комбинации не пройдут, а после неожиданного пово-

рота он совсем потерял контроль, перейдя сразу к финальной части, - знаю, что если не скажу всего, то меня надо будет искать где-нибудь в психушке. Когда увидел тебя впервые, как током шарахнуло. А потом чем дальше в лес, тем больше дров и головешек. Вроде бы успокоился было, и тут снова ты! И все с новой силой. Ни покоя, ни сна, никакой жизни. Кругом ты, куда ни пойду, чем ни займусь. Ты - весь мир. Я так больше не могу... Поэтому и решил тебе сказать.

Девушка ошарашено замерла; сглотнув спазм, прошептала:

- Что?.. О чем?..

Костя, не открывая мышеловки, свободной рукой быстро распахнул ее тетрадь на чистых листах и крупными буквами написал ее же ручкой «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ».

У-у-у-ух! Костя был выжат, как лимон. Зато теперь Алену посетило состояние, в котором теряется всякая женская выдержка, какой бы ни была. Свободной рукой зачем-то взяв карандаш, она тут же его выронила. Слова никак не лезли, до того новенькая была взволнована и растеряна. Многие вставало на отведенные места, но почему-то совсем не становилось легче – теперь далекий смерч завертелся непосредственно вокруг. Она почти не знала этого человека, все произошло слишком стремительно для спокойного обдумывания. Секунды, такие драгоценные сейчас, тянулись минутами впустую, спокойствие никак не хотело возвращаться; несколько мгновений безответности в столь важный момент означали очень многое.

- Понятно, - потерянно вздохнув, Костя ссутулился, медленно выпуская ее руку, - весьма красноречиво. Лучше ты не могла ничего сказать.

- Костя... - едва шевеля губами, попыталась ответить хоть что-то девушка, но Иванов понял и это.

- Не надо, не говори ничего. Похоже, что ничего определенного сказать не можешь, а остальное неважно, поверь. Наверное, я слишком рано все выложил. Прости, терпение закончилось. Такого со мной не было никогда, чтобы с первого взгляда и настолько! И, что примечательно, чем больше с тобой общаюсь, тем глубже увязаю...

Звонок прозвенел, словно петухи на заре – вовремя для спасения от наваждения и растерянности. Еще несколько секунд помедлив в надежде поймать хоть слово или вздох в свою сторону, он встал и направился к выходу, сгребя книжки в охапку. Алена осталась неподвижной, тупо глядя невидящими глазами на карандаш, лежащий на парте. Потом, почувствовав, что комната опустела, собрала вещи и на ватных ногах побрела в следующий кабинет. Не обращая ни на кого внимания, опустилась на стул и автоматически разложила все то же на углу стола. Костиных вещей рядом не было. Проплавав в абсолютной прострации остаток перерыва, вздрогнула от звонка на урок – сейчас он вернется, а я даже не придумала хоть какой-нибудь ответ! Оставлять без внимания такие откровения было бы полным свинством. Алена начала лихорадочно соображать; сидеть рядом молча было бы невозможно, столь напряженная и длительная пауза стала бы слишком изощренной каторгой. Мыслей не было, голова оставалась пустой – говорить о чем-то постороннем нет никакой возможности, но разговаривать об этом не поворачивается язык. Даже не нужно прислушиваться к себе внимательнее – Костю она не любит. Но как ему сказать после таких потрясающих любых устои эмоций?!

Немного успокоившись, нашла в себе силы поднять голову. Занятие началось, а он никак не появлялся. В груди похолодело от внезапной догадки... Затаив дыхание, Алена быстро обернулась: ни того, ни другого сзади не было. И тут впервые в жизни она по-взрослому испугалась – Костя за какие-то полчаса стал значительно ближе. И сейчас с ним может случиться что-то очень нехорошее. Снова промелькнула мысль: ах, если бы это развивалось не так стремительно! Все было бы под контролем. И сейчас бы она не вздрагивала от мысли, что с ними может что-то случиться из-за нее. Глупо как. Она решительно встала и сказала:

- Разрешите выйти!

Присутствующие с интересом оторвались от дел и делишек. Многим показалось, что у новенькой голосок чего-то дрогнул. Сидение с Ивановым бесследно не прошло, так же как

и тихое вгрызание в парты Петрова и Сидорова. Странно все это; такой взволнованной еще никто Алену не видел. Через секунду кто-то хихикнул в плечо соседу, кто-то поправил очки и уткнулся в книгу, кто-то сглотнул слезу, а кто-то сказал:

- Конечно, Ален. И позовите, пожалуйста, опаздывающих.

Кивнув, девушка стремительно выскочила за дверь. Прижавшись спиной к стене пустого коридора, мучительно пыталась сообразить, в какую сторону они могли податься. Решив наугад проверить третий этаж, почти бегом бросилась туда. Не обнаружив никого, сообразила, что искать, скорее всего, необходимо на улице. Считая ступени, мгновенно слетела вниз по боковой лестнице и еще через пару секунд очутилась у центрального выхода.

- Чего ж я так за ними ношусь? – тихо удивилась себе, тут же найдя вполне объясняющий глупое поведение ответ: натворят чего с Костей, не зря же так косились. Отдышавшись, как можно спокойнее вышла на улицу – там тоже никого не оказалось. Прислушавшись, в отдаленном гуле машин и щебетании птиц голосов так и не услышала. Для очистки совести решив обойти вокруг школы, спустилась с крыльца. Пройдя вдоль здания, свернула направо, потом еще...

Они стояли в дальнем углу двора, у турников, лицом к лицу. Предметом обсуждения явно служила не погода, слегка подпортившаяся в дождливую сторону по сравнению с утром. То и дело рядом с ребятами сталкивались встречные ветерки, рождавшие бурунчики из пыли и прошлогодних изорванных листьев, успевших подсохнуть на весеннем солнце. Судя по напряжению в позах и жестах, друзья говорили друг другу не вполне изысканные и обдуманные комплименты. Девушка, на мгновение замерев, тут же поняла, что не мешать уже поздно – она замечена.

- Черт тебя побери, Ивано, только о себе думаешь!! Вообще обо всем забыл, едва ее увидел! Сразу же, как собачка, с хвостиком наперевес лизаться кинулся!!! – вполголоса, но с бешеным напором плохо скрываемой ярости и негодования цедил сквозь зубы Андрей.

- И про что же я забыл, когда кинулся, как собака?! – раздраженно, с трудом выслушивая неприятные слова (впрочем, такое развитие ситуации он и предполагал), выдавил Иванов; привалившись плечом к турнику, он злыми глазами продолжал рассматривать металлические завитушки школьного забора.

- Чего ты огрызаешься, словно мозги за той партой оставил?! Речь не только о нас с Сергеем – мы же на берегу все обсудили, Ваню!!!

- Костя, у друзей так не принято, – мрачно скрестив руки на груди, тяжело добавил Петров, – ты просто наплевал на нас. Смачно так, цинично...

- Другого определения в голову не приходит?! – от режущей правды Иванов готов был заткнуть уши покрепче, думая только об одном: скорее бы уже высказали все до дна.

- Как-то нет! – Сергей, хоть и был в печали не меньше Сидорова, но вел себя немного корректней и спокойней.

- Офонареть можно! Тебя в цирк пора сдавать! – не выдержал Андрей непробиваемости виновника, – да ты хоть что-нибудь слышишь?!!! Ладно, мы с Петром не девушки, не облезем от твоих походов...

- Какое вам вообще дело до моих походов?!! – Иванов, наконец, не выдержал и перестал созерцать забор, заодно повысив тон.

- Ничего себе! – тоже слегка взорвался Сергей, слегка хлопнув тяжелой рукой по турнику; тот негромко загудел, – большое дело! Мне плевать, что ты с нами делаешь, но...

- А что я с вами делаю?!! Что?!

- Да ты дашь сказать человеку?! – оборвал оппонента разъяренный Сидоров, – помолчи! Пока ты ей там ручным обогревателем работал, Ольга чуть в слезах не утонула!!

- Кому это «ей»?! – оскорбился Иванов.

- Ей, Костя, Ей, - парировал уже взбешенный Петров, - хватит всем головы морочить! Отвечай за сделанное, хотя бы перед нами!

Костя ожесточенно выдохнул, стремительно теряя последние остатки терпения. Потом резко взмахнул сжатыми кулаками:

- А мне плевать! Слышите?! Пле – вать!! Даже знать не хочу!

- Я те мозг вправлю! – ринулся на него с кулаками Андрей; Костя двинулся в контратаку.

- Назад!!! – осадил обоих Сергей, мощным рывком разбросав их за шиворот в разные стороны, словно шкодливых заигравшихся котят, - да вы что, совсем из ума выжили?! Болваны, соображаете, что делаете?!!

Он от души добавил пару крепких уличных выражений, очень четко определявших степень разумности драчунов. Несколько остывшие, они насуплено замолчали, глядя в разные стороны. Не выдержав, Костя через минуту первым нарушил молчание:

- Боже мой, да поймите вы, наконец!

Оппоненты молча повернули головы в надежде услышать то самое, столь ожидаемое – правду. До проронившей пару-тройку слезинок Ольги дела было, честно говоря, мало; Иванов первым нарушил непонятую границу, нагло и вероломно, и теперь должен был выдать аргумент, достойный такого поступка.

- Примите без доказательств, черт возьми, что такое со мной первый раз происходит! Первый раз ничего не понимаю, несет против воли, я сейчас могу что угодно сделать!! А знаете почему? – Костя почти кричал. - Да просто я ее дико люблю! Понятно теперь? Люблю!!!

- И тебе, конечно же, плевать на все!!! – в том же тоне полуорал Сидор, - вокруг пустота! И в твоей суперзанятой голове не хватает места для мааааленькой такой мыслишки, что друзья чувствуют никак не меньше твоего, а может быть и больше!

Иванов набрал полную грудь воздуха для достойного ответа, но остудила негромкая фраза Сергея:

- Тихо, прекратили! Она идет.

После еле заметной паузы девушка начала приближаться. Со стороны было заметно, что в момент ее появления страсти у турников кипели подобно адским котлам; но как только двинулась к ним, разговоры мгновенно прекратились. Взглядом встретил только Сергей; слегка кивнув, он спросил:

- Потерялась?

- Потеряла кое-что, - не задумываясь, ответила Алена. - Ребят, что-то случилось?

Сидор, все еще находясь во взвинченном состоянии, уже готов был выпалить в ответ свои комментарии о происходящем; но, наткнувшись на стеклянный взгляд Петрова, просверливший насквозь, внутренне согласился – надо сдержаться. Аленка-то действительно не виновата ни в чем. Они молчали, словно рыбы, набравшие в рот воды. Не получив ответа на вопрос, но явственно прочувствовав его, девушка немного замялась.

- Там урок уже начался... Вас зовут.

- Сейчас придем, - нейтрально кивнул Петров. - Спасибо, Алена.

- Не за что, - попыталась улыбнуться она, но знак дружелюбия получился несколько натянутым и не к месту; чтобы как-то понять происходящее, девушка решила на шаг, который здесь себе не позволяла, - простите, мы как-то так невнятно познакомились... Теперь даже по именам вас знаю, но проще разговаривать, когда пожмешь руку... Вы не против?

- Ничуть, - Сергей, не меняя мины, протянул свою лопату, утопив в ней худые пальцы новенькой, - Сергей Петров, как ни смешно.

- Алена, - кивнула девушка, представляясь официально.

- Я Андрей, - протараторил Сидор, предотвращая рукопожатие, - а этого ты за руку уже держала.

Костя фыркнул на подобную резкость.

- Очень приятно, - Алена, пытаясь держаться увереннее, тем не менее, проглотила комок в горле; ей только что еще раз, почти открытым текстом, напомнили о неизвестной заочной вине, - рада с вами троими познакомиться!

Они молчали, потупив взгляды; Костя вновь вперился в забор.

- Теперь я знакома со всем классом, - преодолевая холод, еще раз непроизвольно постаралась склеить разговор девушка. В ответ снова молчание... В другой раз глазом бы не моргнула – пошла бы своей дорогой, не задумываясь особо о таком дурном приеме. Но не сейчас. Надо было уходить, это точно. Но не могла оторваться от них; они притягивали чем-то, очень хотелось хоть как-нибудь помочь, склеить отношения. Но никаких шагов навстречу не было.

- Я скажу, что вы помогаете столы разгружать, - кое-как выйдя из тупиковой ситуации, девушка повернулась к обратному пути, - будете минут через пять. Приходите скорее.

- Не волнуйся, - кивнул Костя, пытаясь показать, что все будет тихо и мирно; основной накал страстей уже прошел.

Алена медленно побрела в обратный путь... Проводив ее глазами до угла, ребята вздохнули.

- Что же дальше? – оглядел друзей Сергей. Андрей молчал, не сводя взора с тропинки, по которой только что прошли ее туфли. Костя отрешенно отозвался:

- Нет, парни, простите. В любви каждый сам за себя.

Не дожидаясь ответа, он побрел вслед ушедшей, не пытаясь ее догнать. Сидоров, промолчав до исчезновения новоявленного конкурента, пробормотал под нос:

- Какой же я кретин! Не смог промолчать. Прости, Серго...

Опустив голову, Андрей побрел в класс другим путем, давая время впередиидущим не сталкиваться с ним. Сергей остался один... Это был полный развал. Крах такой железной дружбы, которого он боялся с момента первой встречи в парке. Все произошло так стремительно и неотвратно, что он не смог даже попытаться что-то сделать. А может, и сам не сильно хотел. Но рвать отношения все равно считал глупым и ненужным, тем более в такой грубой форме.

- Нет, ребята, так нельзя, - прошептал он всем вслед, - поймите!

- 4 –

Отказавшись в вежливой форме от провожаний другого одноклассника, Алена по пути домой наконец-то смогла погрузиться с головой в воспоминания и анализ полученной сегодня информации. Волна прошла, все переломав и сокрушив, заодно унеся с собой душевное спокойствие. Конец занятий прошел в сумбурном помрачении. Спорщики пришли почти сразу после ее ухода; оставшееся время Костя был нем. Молчала и она. Как только раздался звонок, он, попрощавшись, тут же исчез. Алена не могла сдвинуться с места; проходя мимо, Андрей молча кивнул. Затем Сергей пожелал «всего доброго»... Делая вид долгих сборов, девушка дала солидную фору для отрыва, хотя и была абсолютно уверена – они разойдутся очень быстро, не общаясь и не устраивая ей неожиданных встреч. Прогулка по парку и маленькая бутылочка кефира помогли восстановить баланс. Постепенно освобождаясь от эмоций, она смогла многое из произошедшего расставить по полкам и объяснить, прежде всего, для себя. Нынешнее затишье между взрывами обещало продолжение завтра; не желая повторения неприятных ощущений бытия непроизвольной щепкой прибора, Алена решила хоть в общих чертах продумать свое поведение, но тут и там наткнулась на вопросы, на которые не была в состоянии ответить. Поэтому черты получались уж слишком общие. Никак не постигалась главная тайна – отчего такие преданные друзья так жестко отреагировали на Костино увлечение ей? Словно тот нарушил некий обет безбрачия тайного ордена воинствующих рыцарей... Глупости, что-то другое. Ладно, это можно оставить пока. Тем более что вариантов больше

нет. Фактом остается одно – если не отрубить сразу, то покоя не будет при любом раскладе. А рубить-то как раз и не хочется! Почему-то... Когда она произнесет то, что Иванов понял безо всяких слов, а именно «я не люблю тебя, Костя», все равно вулкан продолжит извергаться совсем рядом. Но, как бы то ни было, сказать это надо; она никогда не врала, и обманывать человека, не прячущего за душой ничего, даже из огромной жалости и симпатии к нему, считала совершенно неприемлемым.

Безусловно, ей, как и любой девушке, было очень приятно услышать такие слова, сказанные с неподдельной страстью – да еще от кого! Костя – это заметно сразу – пользуется огромной популярностью у дамского пола (что никак не мешает ему оставаться мужчиной), и тот факт, что именно он так безумно влюбился в Алену, вне всяких сомнений является показателем ее незаурядности. Может, ответную реакцию и тормозили его недовольные чем-то друзья и грядущие экзамены; может, после некоторого времени сидения за одной партой она и почувствовала бы что-нибудь в ответ; такое раньше случалось в младших классах. Но благородное решение уже принято. Ну, почти, на то я и девушка... Жалко немного. Вечером, приготовив один из любимых костюмов поостроже для ответственной встречи и продумав прическу с узлом на затылке, даже вытерла маленькую слезинку в уголке глаза – как раз по радио передавали некую сентиментальную мелодию...

Костя словно чувствовал ее приготовления к неприятной новости, одним махом разрушив все планы на ответственный день. Он просто не пришел в школу. Первые два урока Алена каждые пять минут смотрела на дверь – ждала, что та вот-вот слегка стукнет, и Иванов, извинившись за опоздание со ссылкой на бессонную ночь, проскользнет внутрь. Интересно, где он сядет? Хотелось бы, чтобы здесь. Стоп. Хотелось бы? Может, что-то вчера произошло, а она не заметила? Да нет, скорее всего, просто ожидание предстоящего. Словно экзамен – думаешь, как бы скорее он наступил, чтобы не томиться неопределенностью так долго.

Но экзамен так и не пришел, оставив девушку в недоумении. Хитрец с приличным стажем коварным бездействием дал ей нелегкий выбор: либо бестактное молчание и грубое наплевательство на тонкие чувства, либо... Она знала – Иванов ждет. Предчувствует ответ, но надеется на что-то. Поэтому и не пришел. Намек понятен – второй вариант обозначает визит; неявка будет обозначать первый вариант ответа, а ведь именно этого она и не хотела. Не пойти и позвонить – не считается, сообщение в телефоне тоже ни в какие ворота... Мягкое женское сердце выбрало визит; в конце концов, что в том такого постыдного?! Прийти, выразить отказ в вежливой форме, и спокойно жить дальше.

Дело встало за малым: адрес. Чтобы добраться до ждущего неотложной помощи Алена хотела взять классный журнал, но без присмотра вожделенная книжица не оставалась до самого переезда в учительскую, где ее тайное изучение стало совсем невозможным (учащимся категорически запрещали совать в святые страницы свой длинный от любопытства и периодического вранья нос). Время на раздумье катастрофически таяло. Расспрашивать одноклассников, не посвященных в тайну, совсем не хотелось. Оставался единственный способ, тяжелый и неудобный, но по-своему нужный; возможно, она смогла бы при случае что-нибудь кое-кому разъяснить...

Они нашлись на площадке одной из боковых лестниц, стоящими лицом к окну. Помедлив в нерешительности, Алена собралась с духом и прервала молчаливые раздумья.

- Извините...

Они синхронно и зеркально повернулись.

- Извините, ребят, что опять навязываюсь, не хотелось бы становиться страшным кошмаром, но... Вы не могли бы мне помочь?

- Да конечно, без вопросов! – с готовностью закивал Андрей, почувствовав шанс реабилитироваться после вчерашней резкости. Сергей выжидающе смотрел ей в лицо.

- Видите ли, в чем дело, - начала она было излагать просьбу, как вдруг заметила, что Петров сместил взгляд с глаз на губы; это крайне смутило. Девушка почувствовала, как стремительно начинают полыхать щеки, и нерешительность, сопровождавшая всю дорогу с этим некорректным по отношению к ним вопросом, только усилилась. Ожидалось как раз наоборот – надуманные ранее проблемы должны были отступить. Пауза затягивалась, Сергей не мог отвести задумчивый взгляд, Алена постепенно проваливалась сквозь пол.

- Алена, - тихо напомнил о продолжении разговора Сидоров, - ты какая-то растерянная сегодня.

Сергей очнулся, перестав смущать девушку.

- Да, что-то со мной... Последнее время перебор информации.

- Не стоит постоянно готовиться к экзаменам, - как ни в чем не бывало, произнес Петров, - отдыхай побольше.

- Да я и рада бы... Вот, хочу помощи вашей попросить.

- Это мы уже поняли, - кивнул Сергей, - ты говорила.

- Помочь тебе организовать отдых от учебы? – вдруг, использовав заминку в изложении, продолжил тему Андрей. Петров косо зыркнул на друга.

- Что-то вроде... Вы не знаете, где Костя живет?

В ответ она получила два тяжелых долгих взгляда. Мелькнула глупая мысль: может, не расслышали? Или не поняли, о каком именно речь? Повторить? Глупо как-то уж слишком.

- Ну, Костя... Иванов.

- Да вроде не глухие, - спокойно отозвался Сергей, - понятно, кто же еще.

- Неплохой отдых от подготовки, даже придумывать ничего не надо, - Андрей поморщился, как от зубной боли.

- Нет, ребят, вы не то... - до Алены вдруг дошел смысл хитрого и жестокого калейдоскопа слов, внезапно выложивший совсем не то, что хотелось.

- То, не то – не наше дело, - перебил Сидоров. - Да, мы знаем. После занятий отведу.

- Зачем?! – девушка была ошарашена таким непредсказуемым поворотом разговора; планируя беседу, она забыла одну мелочь, не дававшую вчера покоя весь день. Сейчас, снова столкнувшись с полным отсутствием контроля над ситуацией, ужаснулась: вместо того, чтобы помочь заделать пробоину в неизвестном корабле, она случайно сделала еще парочку. Уж если после вчерашнего они чуть не подрались, то сегодня... Жуть, что может быть.

- Ты просила о помощи, - отрезал Андрей, - нельзя отказать настолько дорогому гостю!

- Может быть, просто расскажете, а я дойду сама? – новенькая была настолько растеряна, что пропустила очередную шпильку мимо ушей; эта деталь не ускользнула от Сергея, тут же отвернувшегося к окну. Для него подобная решимость друга обозначала только одно...

- Ты сколько у нас живешь? – продолжал настаивать на своем Андрей, - чуть больше трех недель?

- Около двух с половиной. То есть, без малого три.

- А я давно. И то иногда путался по дороге к Иванову. Так что лучше уж я сопровожу в лучшем виде, а то мало ли что! В двух словах не объяснишь.

- Андрей, может, лучше не надо? – из последних сил пыталась сопротивляться Алена, оторопело переводя огромные глаза то на него, то на отвернувшегося Петрова.

- Ты меня боишься?! – использовал запрещенный прием Сидор без тени сомнения, - или болтовня с провожатым не входит в планы отдыха? Я могу молчать. Только до подъезда, ни пяди дальше.

Полностью дезориентированная Алена опустила голову. Сидоров осекся – опять поймал себя на грубости, слишком сильно и бесцеремонно напирал; стало жаль девчонку.

- Прости, Ален. Напылил тут немного. Увидимся у выхода после звонка, хорошо?

Ничего не оставалось, кроме как просто кивнуть. Стараясь побыстрее закончить разговор, заведший в глухие дебри, она неловко махнула ладошкой и вышла. Сидор чертыхнулся – опять сорвался!!! Но Петрова волновало совсем другое.

- И ты, Брут, - вздохнул он, не оборачиваясь.

- Прости, Серега. Я тоже уплыл далеко.

Петров вдруг от души рубанул подоконник кулаком.

- Да что за «Серега прости»?!! Оба как с цепи сорвались! Последний разум растеряли! Все любят, да не все стреляться бегут! Я, что ли, вас держал при себе? Или все-таки сами однажды решили друг друга не предавать никогда и нигде?!

- Не кипятись, Серго. Ты же все понимаешь...

- А вы что-нибудь понимаете? Догоняете, что все развалится, что мы из друзей в лучших врагов превратимся?! Один я не смогу склеить, да и не хочу – зачем мне двух идиотов уговаривать сохранить самое святое?

- Несет, Петро... Мы ничего не можем сделать, прости. Да, похожи на полных кретин, но... Любовь ослепляет, - Андрей опустил голову.

- Не всех, - процедил Сергей, направляясь к выходу, - я отчего-то остался зрячим. Успехов.

Сидоров, зажмурившись, съехал спиной по стене.

Алена не заставила себя ждать. Не здороваясь, Андрей молча пошел вперед, едва дождавшись ее плеча рядом. Спустя некоторое время, наконец-то справившись с собой, на ходу повернулся:

- Давай сумку, помогу. Книжек-то набрала не по-детски.

- Нет, спасибо. Мне нормально, привыкла, - несмотря на согласие на совместный поход она не хотела допускать излишней доверительности. После неожиданного поворота разговора на лестнице в ненужное русло девушка пыталась сделать максимум, чтобы не попасться на ту же удочку еще раз. Все, что нужно было сделать сегодня – дойти, объясниться с Костей, и точка. На этом безумие должно было закончиться – так она решила в последние минуты урока. Но последовавшее за отказом взаимное молчание угнетало еще больше; нейтралитета ну никак не выходило, кругом ненароком оставались одни обиженные.

- Ты не хотела позвонить? – не выдержал первым молодой человек, - не обязательно тащиться за тридевять земель.

Больше всего не хотелось распространяться о цели визита к Косте, но вопрос требовал хоть какого-то внимания. Пришлось перехватывать инициативу.

- Не хотела. Вы давно вместе учитесь?

- С Костей? С детства, - сидоровский голос внезапно смягчился, в нем появилось что-то неуловимо теплое, - он к нам во втором классе пришел. У него родители где-то за границей работали, потом сюда за что-то загремели. Все еще шутили – в ссылку. А у них просто контракт закончился. Мы еще тогда сопляки были...

Алена улыбнулась, глядя вперед. Она уже отметила, что троица совсем по-разному разговаривает: Костя вежливо, избегая грубостей и быстро подыскивая наиболее подходящие и информативные слова; Андрей же всегда говорил то, что в данный момент было на уме, порой облекая содержимое в не совсем классическую форму, часто используя в речи прямые и недвусмысленные выражения. Получалось довольно забавно. В отличие от двоих предыдущих, Сергей большей частью молчал; но если высказывался, то чрезвычайно точно и коротко. Их объединяло одно – в словах всегда присутствовал юмор, местами понятный не всем. Но не ей, почему-то...

- Хочешь, расскажу о Косте? – вдруг замедляя шаг и обернувшись к ней, предложил молодой человек.

Новая идея по тону не выглядела так агрессивно, как речи в присутствии остальных ребят, поэтому девушка со спокойной душой кивнула; оказывается, в нынешнем попутчике тоже есть что-то мягкое и домашнее, даже любопытно. Кивок постаралась исполнить как можно равнодушнее, чтобы снова случайно не поджечь замолчавший бикфордов шнур.

- Хороший парень, иногда напоминает благородного аристократического барчука, из потомственных интеллигентов. Учился отлично, по крайней мере, до твоего появления. Серьезно занимался плаванием, но недавно оставил это дело. Весьма неплохой для улицы боец, хотя такая мелкая подробность вряд ли прибавляет в дамских глазах авторитета. Делает зачет-то по утрам зарядку, не курит, весьма аккуратен.

Алена промолчала, стараясь не замечать плохо скрываемой резкости. Сидоров, сначала поддерживая паузу, затем тихо произнес:

- Поражаюсь твоему терпению.

Кокетничать совершенно не хотелось, особенно сейчас; поэтому Алена просто неопределенно пожала плечами.

- Это не комплимент, Ален. Я не Костя, не умею так шикарно девчонкам головы морочить – так думаю. Столько гадостей высыпал, а ты молчишь. Может, скажешь хоть что-нибудь? Не хочешь? Хорошо, молчи. Понимаю, что навязался против воли, да еще и наобещал разговор двух рыбок в аквариуме, а сам...

- Андрей, ну зачем ты так?! Просто нечего говорить.

- Жаль, что нечего, - убито отозвался сопровождающий, - обидно.

Не выдержав гнета, девушка остановилась. Отбросив всяческий нейтралитет, решительно и с волнением произнесла:

- Вот что... Пожалуйста, объясни мне... Я совершенно не понимаю, чем заслужила недоброе к себе отношение! Почему меня не оставляет чувство вины перед вами?! И нужно непременно рассказать, зачем я туда иду?! Ты ведь из-за этого ко мне плохо относишься, хоть и согласился помочь, ведь так? Что я сделала?!

Пришла очередь замяться Сидорову.

- Нет, Ален, ничего подобного! Никакого плохого отношения! Совсем даже не плохо, а... Понимаешь...

Андрей был уверен, что с речью у него и так небольшие проблемы, особенно в минуты волнения; быстро подбирал слова только в стычках. Но такого убожества в себе даже не подозревал! Эх, ну почему не было сейчас рядом Петрова! Успел столько наболтать, что расстроил Аленку и сам запутался; Петросян бы вовремя пихнул в бок, и сейчас не пришлось бы мямлить эту чепуху. Да она и так уже все поняла. И от этого еще больше становится стыдно.

- В общем... Ален, ты не расстраивайся так, пожалуйста. Мы ведь всего пару дней как знаем друг друга, малознакомые могут пропустить глупости мимо ушей... Сейчас вот с тобой разговариваем, и я как-то так до конца осознал, что... Ты умница, Ален. И очень-очень красивая. И ни в чем не виновата, уж это точно. Дело в нас. Одичали, только с пальм слезли в парке тогда, жарко, ватники сняли, и тут ты, невыносимо... Мы и... И рассказывать мне ничего не надо, разумеется! Я ведь только кажусь туповатым, на самом деле многое понимаю. Хотя и эта шутка дурацкая...

- Что понимаешь?

- Давай не будем об этом, пожалуйста. Не надо. Зачем?

- А если я скажу наверняка, что ты все не так себе представляешь?

- Моментально отвечу, что меня ваши отношения с Костей вообще никак не касаются, - затараторил Андрей, стараясь закончить едкую тему поскорее. - И соваться в них впредь не собираюсь!

- Андрей, - чувствуя, насколько сильно тема будоражит собеседника, продолжила попытки объяснить ситуацию Алена.

- Все, все! Забыли. Тем более что почти пришли. Пойдем!

Девушка, поняв наконец, что этому упрямцу сейчас бесполезно что-то разяснять, медленно двинулась следом; единственное, чего хотела добиться – ответа на главный вопрос, раз последний уже вертится на языке. Андрей тем временем, поостыв, обернулся и подождал, пока она поравняется с ним.

- Ален, перед тем, как расстанемся, хотел бы извиниться перед тобой. Прости, что молот чепуху и расстраивал оба дня.

- Ничего страшного, - кивнула девушка, чувствуя, как начинает приливать кровь к щекам в предвкушении самых нужных откровений, - только прошу тебя об одном...

- Что угодно! – получив индульгенцию, улыбнулся Сидоров.

Алена, неожиданно остановившись, глубоко вдохнула, пытаясь скрыть нарастающее волнение.

- Я... Мне очень важно знать, что происходит.

- В смысле?

- Что между вами троими происходит? Почему я себя так чувствую, словно краду что-то? Улыбка медленно сползла с Сидорова. Сделав шаг назад, он замер, глядя в ее глаза.

- Уже пришли... Вон его дом, там есть седьмой этаж.

- Андрей, пожалуйста. Не мучай меня!

Сидоров растерянно моргал – она снова смотрела прямо в основание проблемы. Рассказать правду – снова расстроить, на сей раз надежно и надолго; с другой стороны, рано или поздно узнает. Может, пусть лучше Серега поведаст детали, а то опять наговорю чего попало?

- Немножко пройдем еще, и хватит, я уйду. Давай лучше смешную историю из нашей жизни расскажу! – он сделал несколько шагов вперед и снова оглянулся.

Она вздохнула, не двинувшись с места. Начавшему было движение молодому человеку пришлось вернуться. Не отвертеться, язык погубил-таки. Что ж, позориться, так до конца.

- Не хочу мучить, поэтому и не рассказываю. Не хочу еще больше делать. У тебя слишком редкий дар искренности.

- Я не Снегурочка, Андрей, да и паспорт уже есть. Постараюсь не растаять. Скажи, пожалуйста. Прощу.

Сидор еще немного помолчал, собираясь с мыслями.

- Хорошо. Язык мой – враг мой. Не захотела слушать смешную историю, придется рассказать грустную... Во втором классе пришел Костя, немного позже – Серега. Однажды так случилось, что мы втроем оказались в небольшой переделке, совершенно случайно. С той поры уже не расставались. Чем больше выросли и набирались ума, тем интереснее было в нашей команде, и тем больше мы ценили друг друга и наши отношения. Если один из нас болел, съезжал по учебе или шел кому-то в пятак вмазать – двое других всегда были рядом, без разговоров и уговоров. Все было легко, все было нам по зубам, мы вместе дышали и срослись как сиамская братва. Здорово звучит? Прямо сказка получилась, да? Так и было. Сказка внезапно закончилась... Тогда, в парке – помнишь?

Невидимые осколки в одно мгновение склеились вместе, мельчайшие подробности стали ясны, как день. От внезапного открытия перехватило дыхание; она почувствовала, что слезы сами наворачиваются на глаза. Еще мгновение, и сдерживаться не будет сил.

- Каждый из нас тогда почувствовал, что ты не просто убегаешь. У меня было физическое ощущение, что ты что-то уносишь от нас... Ночь у всех была безумная. На следующий день начали кое-как исправлять ситуацию, пробовали вместе забыть тебя. Но тут сюрприз из-за угла, как снег на голову – ты. Алена... Что с тобой?

- Ничего, ничего, - как можно тверже сказала она, тем не менее, пряча глаза, - продолжай.

- Да продолжать-то особо нечем. В общем, мы раскололись. Случился нежданный конец света. Конец мира привычных ценностей, слегка катастрофа.

- Из-за того, что Костя сказал, что любит меня?

- Ты услышала наш разговор?

- Нет... Догадалась по жестам.

- Не перестаешь удивлять. Ей-богу, Ален, потеря всего была бы лишь небольшой частью оплаты твоего внимания... Ты такая... Но раскололись мы не из-за Кости.

Андрей оцепенел, не сводя с нее глаз – слова вот-вот готовы были выскочить.

- Не он один. В этом-то и проблема.

Безжалостный вихрь эмоций распирал ее голову. Начиная от гремучей смеси горечи и вины за разрушение, пусть даже непроизвольное, такой огромной дружбы, и заканчивая бешеной эмоциональной энергией, сброшенной на нее сначала Костей, а теперь и Андреем. Она сжалась в ожидании – сейчас он скажет слова, которые витали в воздухе, и жить почему-то станет еще тяжелее, словно утопила еще одного пушистого и мягкого котенка. Не в силах отвести глаз от его гипнотизирующего взгляда, девушка ясно поняла, что это предел, сил сдерживаться больше не осталось – груз, сваленный на плечи, оказался слишком тяжел.

Андрей осекся – вдруг показалось, что у нее едва дрогнуло лицо. Еще через секунду понял, что опять вылил на предмет обожания слишком много, что уже перебор чувств, с которым девушка не в силах справиться. Внезапно стало безумно ее жаль, захотелось отмотать назад, не ходить никуда и молчать, молчать. Ведь она же ни в чем не виновата, а из-за врожденной искренности переживает так, словно сама построила и претворила коварные планы, разрушившие столетнюю империю! За что же новенькая сейчас это получила, все относящиеся к ней постольку, поскольку проблемы?! Остро захотелось обнять, прижать к себе и говорить, шептать прямо в ушко слова о прощении и полной невинности, пока не исчезнет напряжение с прекрасного лба... Надо хоть что-то сделать! Ведь она сейчас заплачет – это будет конец!!!

- Аленка, прости меня, - пересохшим языком еле прошептал он.

Эти слова и открыли кран; она ожидала совсем другого, но каким-то чудом вовремя пойманное им настроение позволило наконец-то сбросить напряжение через слезы. Она опустила голову, стараясь дышать реже, чтобы не всхлипывать и хоть как-то сдерживать слезный поток.

- Алена, прости дурака, - Сидору очень хотелось хотя бы взять ее за руку, но он не мог даже пошевелиться, полностью утонув в чарующих слезах, - ты не думай о нас, о наших проблемах... Ведь ты не виновата, что такая, какая есть! Сами разберемся. Зачем мелочи так близко к сердцу принимаешь?! Мы договоримся между собой, как тебя больше не беспокоить! Все сделаем, чтобы балтийское спокойствие вернуть. Ну, Алешка, успокойся... Пожалуйста...

Она, быстро достав платок, вытерла лицо.

- Все хорошо. Извини за истерику. Все-таки подтаяла слегка. Жарковато для весны... Просто слишком много нового, надо привыкнуть... Так куда идти?

- Второй слева подъезд, седьмой этаж. Квартира двадцать семь... Ну, я пойду тогда?

Она молча кивнула, по-прежнему глядя на него и стоя спиной к подъезду. Через силу повернувшись, Сидор снова оглянулся через несколько шагов – Алена не шелухнулась.

- Костя проводит обратно. Он молодец в этом плане, никогда не забывает простых джентльменских мелочей.

Девушка, быстро протерев глаза, снова кивнула. Помедлив, Андрей добавил:

- Забудь, что я тут наговорил. Не учел твою впечатлительность. Прости и не вспоминай об этом никогда, хорошо? Так будет лучше. Обещаешь?

- Постараюсь.

- И еще... Если помощь понадобится, только дай знать. Что бы ни случилось, только скажи.

- Спасибо, Андрей.

- Ну и здорово. До свидания?

- До завтра. Увидимся в школе...

Глянув на костины окна, он решительно развернулся и пошел прочь, больше не оглядываясь.

Костя едва успел спрятать голову за горшок с цветком – Сидор внезапно посмотрел прямо в его сторону. Они остановились на отлично обозреваемой из окна его комнаты (где пациент в ожидании торчал уже час) площадке и стояли уже около десяти минут, просто разговаривая. Потом Сидоров внезапно развернулся на обратный курс. Девушка стояла на том же месте, пока тот скрылся за поворотом; потом повернулась и медленно побрела к подъезду... Костя замер. Вот она скрылась из поля зрения и, по-видимому, зашла внутрь. Выждав еще минуту, он в несколько прыжков подлетел к входной двери, прилипнув ухом к прохладной поверхности. Лифта не было слышно. Сильно мешал шум плотных струй крови в ушах – обычно его не было. Пальцы подрагивали. Она выбрала именно то, чего он и ожидал! О, боже! Расчет оказался правильным на все сто. Пусть даже долгожданная гостья и идет сказать те самые слова, но вдруг здесь, на своей территории, удастся что-нибудь изменить?! Минута, две, три. Ничего не слышно. Еще минута – кроме стука сердца и шума в ушах ничего. И тут он догадался... Быстро подскочив, кинулся на наблюдательный пост, где провел почти весь день.

Алена медленно брела по дорожке прочь от дома, опустив голову и засунув свободную руку в карман жакета...

Следующий день начался довольно спокойно – ребята пришли все, молча покивали друг другу в знак приветствия и расселись на свои места. Алена зашла предпоследней, перед самым звонком. Уроки полетели один за другим. Со стороны было похоже, что друзья наконец-то взялись за учебу – расставив все точки, но так и не выспавшись, они уже не пытались пробуравить любимый затылок взглядами. Изредка украдкой бросая короткий взгляд назад, она видела всех троих упорно и заинтересованно штудирующими литературу. После начала очередного перерыва Костя и Андрей встали, не говоря ни слова, и по очереди направились в коридор. Оба выглядели бледно и осунувшись; на лицах читалось такое же бесцветное настроение. Немного погодя, Сергей тоже решил прогуляться. Травмированный голеностоп все еще давал о себе знать, но сидеть для такой деятельной натуры было еще большим страданием. Решил просто: если уж не судьба совершить пешую прогулку, то было бы неплохо хоть на турнике кувырнуться. Усталость как рукой снимает. С этим настроением начал ковылять на выход; видя, что он выходит, Алена решила не мешкать и сделать то, о чем подумала вчера как о единственном возможном в сложившейся ситуации подспорье – Петров почему-то внушал надежду и спокойствие.

- Сережа! – окликнула она.

Не услышав ничего в гуле взбодрившегося класса, он продолжал неспешное движение к свободе. Пришлось догонять и звать еще раз.

Он оглянулся на знакомый голос. Взгляд, не ища никого, сразу же уперся в ее лицо. Стараясь не потерять последнего, девушка внутренне собралась – необычный он какой-то, Сергей Петров. Прямой весь, без лишних загибов души внутрь или задних мыслей; вроде бы всё просто и понятно. Но отчего-то и тяжело не меньше. Словно огромная подводная лодка: всем видна наплаву, но могу и нырнуть глубоко и надолго, и никто не найдет и локатором не поймает. И уж если выстрелит, то точно полконтинента сотрется в мелкую пыль... Сейчас перископ был установлен на нее; он терпеливо дожидался, пока Алена протиснется сквозь одноклассников, столпившихся у стола учительницы для выяснения непонятных вопросов. Завидев ее настроение что-то сказать, он пропустил вперед:

- Пойдем туда! Здесь шумно.

Девушка кивнула, соглашаясь и говоря «спасибо» одновременно. Отойдя подальше от класса и убедившись в отсутствии Иванова и Сидорова, Алена молча остановилась у подоконника в одном из заворотов коридора.

- Ты как будто что-то сказать хотела. Не показалось?

- Просто хотела спросить, что же с твоей ногой случилось?

Атомоход, помедлив, по-доброму усмехнулся; нелепость вступления выдавала слабую подготовленность.

- Только никому не говори, что ты ради этой новости бежала в коридор с таким серьезным лицом. Нет, не расстраивайся – совершенно уверен в искреннем интересе к здоровью моей ноги.

- Почему? – девушка лишь вздохнула с небольшим облегчением; благодаря богатой начинке субмарина всё уже считала, и шелуха вроде вступлений и завязываний разговора оказалась не нужна. Сергей явно помогал задать интересующие вопросы.

- Потому что ты хороший и крайне интересный человек.

- Да уж, хороший... Чем больше говорят это, тем меньше верю, - Алена грустно опустила голову и скрестила руки на груди.

- Костя с Андрюхой? – догадался вновь Петров.

- Да, - кивнула она, - вы сегодня успели поговорить?

- Да, но я не столько поэтому так сказал. И думать о себе в противоположном направлении, на мой взгляд, у тебя объективных оснований нет.

Девушка удивленно подняла глаза.

- Но, Сережа, я вижу, какие беды происходят из-за меня! И это...

- Прости, что перебиваю. Кажется, знаю, что скажешь дальше. Видишь ли, Алена, - ее имя он произносил как-то отдельно от остальных слов, словно растягивая удовольствие, - зная моих друзей достаточно неплохо, могу сказать определенно: так любить они могут только очень неординарного и крайне хорошего человека!

- Они с тобой всеми своими мыслями делятся? – снова изумилась девушка.

- Не все верзилы глупы. Только у турников проболтались, и то сгоряча. Они пытаются всё в себе держать, но мне не нужны слова – у этой парочки на лбах написано, правда, почерк мелкий и дрожит. Слишком большие изменения в них после нашей общей встречи, слепец не заметит разве что. А про вчера всего лишь было сказано по фразе. Сидор сказал, что без меня не сдержался и наболтал тебе столько, что сейчас места не находит, а Костя просто доложил, что не пришла... Ты же о них хотела поговорить?

Алена растерянно развела руками.

- С тобой трудно разговаривать, Сереж. Еще рта не успела открыть, а уже всё знаешь.

- Ну, это не всегда так. Просто сейчас случай эксклюзивный... Давай прогуляемся.

- Как же нога?

- Приятна женская забота! – усмехнулся он, - ничего, не отломится. И не бойся попасться на глаза тем двум ревнивцам; они, подозреваю, уже изрядно полили тебя эмоциями. Так что ближайшую неделю будут тенью ходить. Пойдем, не могу на месте стоять.

Алена растерянно приподняла брови.

- Неужели я похожа на открытую книгу – так легко всё читается?

Они прогулочным шагом побрели к открытому окну в конце коридора, сквозь которое свежий ветер доносил с улицы запах свежей листвы и весеннего солнца.

- Ты похожа на новенькую очень привлекательную книгу с многообещающим заглавием и сногшибательным анонсом. Не волнуйся. Мы только успели прочитать маленький абзац первой странички.

- Мы? – девушке на секунду показалось, что за это обмолвка.

- Ты вроде как о них хотела поговорить? – помедлив, тихо повторил Сергей.

- Ну да, точно, - быстро отвлеклась от предыдущих слов Алена. - Хотела. Знаешь, они очень хорошие ребята. Оба. И мне ужасно жаль обоих, и безумно плохо от происходящего... Я в полной прострации; совершенно не знаю, что делать и куда глаза прятать! Всё в голове как-то стремительно запуталось. Андрей говорил – не вмешивайся, забудь... Столько сил прило-

жила, чтобы последовать настолько очевидному совету – только путаницы добавляется. Даже заставляла себя. Бесполезно.

- Подожди-ка, давай разберемся... Ты кого-то из них любишь?

- В том-то и дело, что нет. Насчет этого представления очень четкие.

- У тебя кто-то на родине остался?

- Нет. Было увлечение, но давно. И то лишь намек на влюбленность. Но сейчас, несмотря на ясность отношения к ним, даже не могу в глаза сказать «нет» и спокойно забыть.

Некоторое время, до окна, они шагали молча. Достигнув цели, он вдохнул ветерок полной грудью и произнес задумчиво:

- Похоже, что-то у тебя к ним есть. Так мне кажется почему-то.

- Да нет же, Сереж! Тут вообще никаких сомнений – совсем ничего! Только жалко.

Он, глянув на девушку сверху вниз, улыбнулся.

- Пойдем, обратно путь неблизкий, а звонок вот-вот. А раньше могла сказать в лицо? Ну, что не по пути?

- Могла. Бывало такое.

- Ты позже поймешь, что я прав, - спокойно, как бы мимоходом, бросил он, - сейчас, пока они утомонились, готовься к экзаменам. Вот и весь совет. Дальше время покажет.

- Уже не могу, терпения не хватает. Такой беспорядок в голове... Знаешь, я вообще-то никогда ни с кем на эти темы не разговариваю, только с мамой иногда.

- Ценю доверие, спасибо.

- Я к тому, что к тебе обратилась. Пойми правильно, не хочу тебя примешивать к своему бреду...

Сергей хмыкнул, но промолчал. Девушка не заметила.

- Просто первый раз столкнулась с подобной ситуацией, когда незначай чьи-то жизни развалила. От этих мыслей как-то совершенно уверенность потеряла. Запуталась полностью... Подумала, что ты сможешь что-то сделать.

- С ними?

- Нет... Не знаю. Вообще.

- Н-да, дела. Как-то я не привык к такому сумбуру в твоей речи; с первого дня все так четко, внятно и гладко было. А сейчас, похоже, ряды полностью смешались.

Почти весь путь обратно они прошли молча – Петров напряженно что-то обдумывал, а Алена со слабеющей с каждым шагом надеждой ожидала резюме. Несмотря на то, что главная цель, выговориться, была достигнута, она все же надеялась на необходимые подсказки. Даже когда прозвенел звонок, надежда угасла не до конца.

- Вот что, Алена... Попытаюсь облегчить участь, - в нескольких метрах от двери остановился Петров, - думаю, что тебе для начала стоит в себе разобраться. Многое на места встанет само собой. И тогда с легким сердцем сможешь сказать всем «пока».

- Всего-то, - не подумав, отреагировала девушка, - так просто... Я вроде бы все расставила по углам и полкам.

- Видимо, стоит подождать, пока что-то прояснится.

- А вот ждать-то я уже не могу, Сереж...

Петров внимательно посмотрел на девушку. В голове мелькнула мысль о том, что он окончательно списан на берег.

- Прости за резкость, - тут же спохватилась она, - хотелось быстрых рецептов счастья для всех.

- Сомневаюсь, что таковые вообще в природе есть.

Алена стояла, раздираемая противоречиями – надо было идти внутрь, а с другой стороны, очень хотелось хоть какой-то внятности; петровские слова, к сожалению, не внесли настолько ожидаемого покоя. Сейчас понять его простоту было очень трудно, хотя все было ясно как

день. Никаких мудростей он, вроде бы, не сказал... Немногим позже, уже глядя на мерцающие стены тюремной камеры без окон, у нее было время вернуться к этому разговору и спокойно все обдумать, заодно осмыслив еще и поведение самого Петрова, и оценить мудрость и дальновидность данного совета. А сейчас было ощущение убегающего поезда, на который она только что не успела; в нем всё правильно, комфортно и тепло. А девушка, случайно выйдя на незнакомой станции, отстала. Знакомый привычный мир уехал, кругом сплошная неопределенность.

- Ты так и не рассказал о ноге, - почувствовав логический конец беседы, через силу улыбнулась Алена. Вовсе не хотелось расставаться на такой кислой ноте.

- Эхо войны, - пожал плечами Сергей, - футбольной. Я всегда в защите играл, а Андрюха в нападении. Не пришел тогда, пришлось за него рысить... Тяжеловат я в нападении, не он.. Вот и не убежал немножко. Уже легче, не волнуйся.

- Выздоровливай, Сереж... Спасибо тебе.

- Ты же знаешь, что не за что. Похоже, что прогулка с инвалидом не помогла. Ты, главное, потерпи немного. Много поменяется, вот увидишь.

Кивнув, девушка прошла в класс. Потупившись, Сергей вздохнул своим мыслям. Определенно, она его не замечает, полностью увлекшись Костей и Андреем. Или не полностью. Или вообще никого не расценивает как потенциального «своего», просто столкнувшись с незнакомыми животными из тайги. Краем глаза заметив две тени, стоящие на удалении друг от друга в конце коридора, Петров понял – променад с дамой сердца не остался незамеченным. Сейчас может опять начаться обострение всеобщей болезни... Пойти к ним – однозначно признать факт, что разводил шуры-муры с их любимой девушкой, а там и до очередной ссоры недалеко. Нет уж, хватит! Сергей, подняв голову, решительным жестом приказал ревнивцам приблизиться. Выражение лица не оставляло у них сомнений, кто в чем виноват – он звал на оглашение приговора. Может, Алена как раз об этом говорила?! Оба пошли к классу.

- Вот что, джигиты, - безо всякого вступления жестко начал оглашать вердикт Сергей, - вашими стараниями все развалилось. Молчите, не нужны комментарии и оправдания. Примите от меня единственный совет: оставьте её в покое на период экзаменов. Не хватало еще, чтобы из-за вас чья-то лучшая и единственная аттестат не получила. Как поняли? Славно. Всё, свободны!

- 5 -

После последнего разговора они почти не контактировали, полностью погрузившись в учебу. Видя, что двое других конкурентов не предпринимают никаких шагов к сближению с девушкой мечты, каждый оставался спокоен – хоть здесь удалось достичь условно нерушимого соглашения. Последний звонок позволил вздохнуть с небольшим облегчением: постоянные занятия закончились, оставались нерегулярные предэкзаменационные консультации, на которые они принципиально никогда не ходили. Небольшие сомнения были, как водится, насчет Иванова, но, по слухам от одноклассников, он безвылазно сидел дома, обложившись книгами и распечатками из интернета. После изнурительной недели началось то самое ответственное событие, именуемое «выпускные». С короткими перерывами в три-четыре дня весь класс благополучно минул несколько мрачных полос; обошлось без санитарных потерь. И каждый раз троица во все глаза пожирала Алену, одетую в строгие деловые комплекты – девушка стабильно выбивала десять из десяти возможных баллов, как на экзамене, так и в их головах. С трудом сосредоточиваясь, ребята, тем не менее, показывали достойные результаты. И вот, остался последний рубеж, после которого что-то должно измениться! Осталось-то всего ничего, только прожить несколько тяжких часов и выдохнуть в предвкушении выпускного бала, на котором кому-нибудь может улыбнуться удача.

- Сидоров, время вышло!

Сквозь замочную скважину было видно, как Андрей, тяжело вздохнув, собрал со стола бумажки и побрел к литераторше.

- Сидор пошел! – транслировал на коридор Мишка, - выглядит неважно. Вид не совсем уверенный.

- Пусти-ка, - отодвинул того в сторону Петров; быстрым взглядом оценив обстановку, он немного презрительно оглядел шпиона, - нормально все. Меньше четверки не вынесет.

Алена, уже сдавшая литературу, слегка улыбнулась – сидя в кресле рядом со складом сумок и портфелей, она могла позволить себе просто смотреть за всеми. Такое категоричное заключение весьма понравилось – повеяло прежней дружбой. На фоне полного расслабления сдавших в ближнем углу поняла, что теперь можно додумать то, что было недавно отложено на неопределенное время. Точнее, насильно забито поглубже... Да и просто хотелось побыть с хоть и новыми, но уже одноклассниками – с ними тоже пережито немало. К тому же, тут кто-то неподалеку строит планы на выпускной... А вот это интересно!

- Люди, все вышли? – донесся голос вечного организатора вечеринок Васи, - ползите сюда!

Выпускники, оставив облегченные после напряжения переговоры и разговоры, начали подтягиваться к ней в угол; это он, оказывается, разрабатывал случайно услышанный Аленой план всеобщего упоения свободой.

- Там еще трое остались! – интенсивно призывая к двери, сообщил шпионивший Мишка.

- Их потом оповестим!

Класс, оживленно шутя и смеясь, столпился вокруг Василия. Пытаясь сквозь толпу разглядеть дверь, Алена наконец-то нашла необходимый ракурс; с немym удивлением увидела встающего с корточек Петрова, только что оторвавшегося от взгляда на сдающего Сидорова. Сергей, слегка улыбнувшись и еле заметно кивнув, пошел ко всем. А немного погодя, воровато оглянувшись, как бы мимоходом, к замочной скважине припал Костя. Сам факт подобного любопытства был удивителен и приятен для нее. Надежда восстановить сказку нахлынула с новой силой – ведь ничего еще не умерло, всё еще можно исправить!!! Осталось поучаствовать в выборе плацдарма. Она встала и слилась с толпой.

Сидоров, без труда вытянув на четверку, на вопрос литераторши о дополнительном задании для высшего балла, пораздумав, отрицательно покачал головой.

- Нет, Марь Петровна. Что-то у меня уже чайник закипел, честно говоря.

- Устал? Андрей, тебе до пятерки рукой подать. Ты же можешь!

- Спасибо. Я не гонюсь за оценками, Вы же знаете. А литература – такая штука субъективная, что балл здесь ничего не оценивает. Ее либо читаешь, либо нет. А мне нравится читать.

- Как хочешь, Андрюш, хоть и жаль – знаю, читаешь на пятерку и можешь гораздо больше. Поздравляю с окончанием школы. Присоединяйся к свободным людям в коридоре!

Выйдя, Сидоров обнаружил только скопление спин в дальнем углу зала. Свободные люди что-то бурно обсуждали. Найдя глазами нужные силуэты, он приблизился в стороне от них.

- Илюх, - подтолкнул локтем крайнего. - О чем коллективная молитва?

- Сейчас, подожди, дослушаю... Короче говоря, тема такая: у Вовкиного отца какой-то отельчик недалеко от города пустует наполовину, вроде как еще не самый сезон. Вот и наобещал сынуле классный отдых после экзаменов.

- В смысле – всем классом?

- Вроде того. Вот девчонки и закудахтали, кто, чего и как. Решили, что выпускной там будет. Только одна проблема...

- Не вижу проблем, - вдруг глубоко вдохнув, поднял голову повыше Андрей.

- Да ты не понял. Там повара на эти дни уезжают, придется самим готовить!

- Прекрасно. Отбивные беру на себя.

Быстро выбрав оргкомитет, договорились созвониться на следующий день для обсуждения деталей проекта. С легким настроением подхватив ручную кладь, выпускники посыпались на улицу. Алена, всё еще что-то обдумывая, шла одной из последних; перед поворотом на лестницу оглянувшись, увидела, что трое бывших союзников стоят друг перед другом, но на удалении. Помедлив, она убедилась в их миролюбии и со спокойным сердцем пошла к выходу.

- Кто едет? – спросил Сергей.

- Похоже, что все, – пожал плечами Сидор, – я точно еду.

- Все, так все, – кивнул Костя.

- Давайте постараемся ей на голову не давить, – попросил Петров, – устала она от нас.

Как идея?

- Не думаю, что мы избежим главной темы, – скептически покачал головой Костя, – я настроен на последний звонок.

- Как и все мы, – кивнул Андрей, – пусть будет, как будет...

Природа сделала небольшой сюрприз – в череде дождливой недели выдалось несколько солнечных, по-настоящему летних, дней, пришедшихся как раз на путешествие. С гулом загружившись в автобус, три параллельных класса покинули пыльное начало городского лета, полного обычной для зимы суеты. С легкой душой и выпускной эйфорией глядя в затемненные окна на хмурых, торопящихся на работу горожан, ребята начинали чувствовать свободу еще острее. С удовольствием глядя на поджигающих утренний тополиный пух вдоль дорог пацанов и не выспавшихся офисных работников, все с упоением орали какие-то глупые песни, беззаботно подбрасывая друг другу чипсы и прочую съедобную дрянь. Водитель головного автобуса, в котором ехала их команда, так заслушался, что пропустил нужный поворот за городом и увел всю колонну за тридевять земель; пришлось возвращаться. Однако это лишь добавило веселья – прокатавшись лишних сорок минут, выпускники наконец-то высыпали на природу в совершеннейшей эйфории. Церемониймейстер Вовка, шелестя списками вместе с менеджером отеля, бегал от одной кучки к другой, пытаясь расселить ребят по трех- и четырехместным номерам; едва заслышав об этом, все дружно начали рядиться и кучковаться по тройкам и четверкам, не обошло без перебежчиков. Проходя мимо молчаливой троицы, с кислой миной стоявших в стороне с надвинутыми поглубже солнцезащитными очками, Вовка лишь махнул рукой:

- А-а, с вами всё и так ясно!

Через полчаса расселение было закончено. Коридоры дремлющей гостиницы наполнились басовитым гвалтом, по мягкому покрытию зашлепали тапки и сланцы снующих из номера в номер однокашников. Изрядно утомленный непривычным процессом организации галдящего стада, Вовчик ходил из угла в угол с призывами к парням собраться с духом и разгрузить коробки и ящики со съестными припасами из автобусов. Большинство ответили однотипно – «щас иду», лишь Петров сотоварищи оторвались от перекладывания пакетов по номеру без всяких колебаний, да еще пара ребят неосторожно проходила мимо с пустыми руками. По пути на улицу Сидоров надавил авторитетом еще на троих. В результате, с использованием тележки, работу удалось победить довольно быстро. Идя обратно, встретили половину класса (включая Алену), направлявшуюся заполнить паузу перед обедом и возможным сончасом сидением на бережку бежавшей сквозь недалекий сосновый бор реки. Быстро и без колебаний приняв предложение присоединиться к группе, ребята зашагали в самом хвосте компании. Выбрав неплохой пейзаж на обрывистом берегу, все развалились на солнышке, продолжая бесшабашные шутки.

Так шикарно было сидеть на мягкой травке у реки, смотреть на бесконечно текущую воду и ни о чем не думать, чувствовать лицом легкий ветерок и слышать, как кто-то называет тебя не мерзким словом «абитуриент», полным неопределенности и напряжения, а веским и заветным званием «студент». Смесь мирного пейзажа, солнца и лета, молодости и ощущения долго-

жданного скачка во взрослую жизнь, а также старых и знакомых всем по определенным фразам образов учителей или общих ситуаций, плавно уплывающих в прошлое, создавали в каждом ощущение стоящей на старте ракеты. Еще одна ночь на том же космодроме, где долго-долго стояли, чинились и готовились к запуску – и бабах!! Наконец-то отойдут опостылевшие вечные держалки; все взмоют вверх, к неведомым далям, о которых только читали; сбросив груз притяжения и еще не почувствовав тяжести оставшегося на борту, с полными баками и бесконечным простором впереди, они сидели на самой вершине мира. Дремавшая ранее фантазия разбужена беззаботной радостью – именно поэтому глупости на природе о рыбных объектах в воздушно-водной атмосфере были настолько понятными и радужными, как чешуя парящего в небе карася...

Сергей, надвинув на глаза панамку, с удовольствием откинулся на траву, поддавшись незаметному действию этого благополучного умиротворяющего мира. В голову снова пролезло философское настроение; не пытаясь его прогнать, он начал размышления на тему происходящего. Любопытный парадокс пришел сам собой: в городе мысли о грядущем чаще всего вызвали ухудшение самочувствия; здесь же сумятица тонет в спокойствии. Навязчивые видения уже не преследуют так жестоко; складывается впечатление, что фундаментальная природная тишина может погасить любой душевный пожар. Вспомнилась фраза, осевшая после просмотра одного фильма – у океана нет памяти. Именно это и нужно сейчас им всем. Конечно же, это не решение проблемы, но огнетушитель прекрасный.

Сергей привстал на локти и поднял панаму. Сидоров полулежал, глядя в небо. Иванов сидел позади всех и с кислым видом жевал пучок травы (вместо романтического покусывания одной травинки он тащил в рот сразу пяток).

- Мишка, куда поступать будешь? – посреди фонтана шуток донесся голос Сидорова; по всей видимости, тот тоже не сильно торопился со стартом и целенаправленно задал столь низколетящий вопрос. На мгновение все замолчали, не желая возвращаться к земле.

- Да вот подумываю училкой физкультуры в школу вернуться, - Мишка тоже не хотел терять набранную высоту.

- Скажи серьезно, Миша, - вмешалась Алена.

После ее фразы все волшебным образом снизились до необходимой для консенсуса высоты. Началось обсуждение ближайшего будущего, пока что не изобилующего удовольствиями – впереди светили вступительные экзамены. На удивление, перепад остался почти никем незамеченным – один Петров сел, обхватив колени руками, и задумчиво посмотрел со своей стороны на профиль девушки... Любопытно, что новенькая за короткий срок заработала настолько глобальный авторитет среди одноклассников, что её пожелания или просьбы незаметно и неизбежно выполнялись; она, хоть и сидя где-то позади, остается весомой и яркой личностью в новой компании. Ребята за этот же срок стали настолько же незаметны, насколько она известна; и при всем при том новенькая переживает если не так же, то близко. Любопытный факт. Почему так? Почему, ведь, строго говоря, между четверыми лишь шапочное знакомство... А ведь в свалившемся успехе совершенно не было никаких усилий, стараний или цели, выходило как-то само собой. Всё было до слез просто, честно, скромно и искренне. Словом, так, что не влюбиться в неё было просто невозможно. Совершенно ясен механизм попадания троих ребят на одни и те же грабли одновременно – да так, что от удара до сих пор скворцы вокруг головы чирикают. Она была тем самым человеком, которым попросту болеют без желания выздороветь. Петров, подстегнутый внезапной мыслью о скором расставании на веки вечные, и ничтожностью своих шансов на успех по сравнению с весьма заметными персонами в классе Иванова (ого!!!) и Сидорова (тож ничего), неожиданно почувствовал, насколько сильно эта девушка его притягивает. И как печально будет немое прощание – ведь этот день и есть самый последний, проведенный в её компании! Еще немного, один вечер, из которого они половину просидят за столом, выслушивая «взрослых»; потом немного танцев, и спать.

Вряд ли она согласится на прогулку под луной, да и конкуренты не задремлют, как пить дать. Именно из-за них не пойдет, разве что опять совета попросить... Да хоть бы это!! А наутро все сядут в автобусы и молча, без песен, поедут в ту же унылую жизнь, какую видели утром из окна. И всё. Останутся лишь эти воспоминания, и щемящая тоска. Немножко бы больше времени...

Алена, насмотревшись на реку и тем не менее не найдя покоя, оторвалась от созерцания. Повернувшись ко всем, тут же поймала петровский взгляд; внутри что-то подпрыгнуло с настоящим физическим ощущением. Секунду подождя, она улыбнулась – так и не поняла, чему была посвящена такая задумчивость. Скорее всего, вспоминал то, что она натворила. Сергей автоматически улыбнулся в ответ.

Ветерок крепчал, на горизонте скапливалось большое тучное войско – похоже, что прогноз Бубновского о скором дожде спешил сбыться на удивление всем. За время сидения волны на реке зачастили, перемежаясь с мелкой рябью. Листва шелестела всё интенсивнее, и некоторые молодые люди внезапно вспомнили об усиливающемся зове желудка. Еще немного продержавшись, компания решила ретироваться при виде передового отряда непогоды в виде небольшой синюшной тучки – именно она поддержала отступленческие настроения. По пути отряхиваясь от прилипшей травы и смахивая паутину, ребята заторопились по направлению к отелю, напичканному продуктами.

- Парни, - пытаюсь докричаться до идущих впереди, Вовка сложил ладони рупором, - надо в столовой помочь! Захватите ножи, у кого есть!! Слышите?!

- Идти на дело, так всей бандой, - отозвался, не выдержав, Сидоров, - надо всех ленивцев поднять!

- Думаю, девушкам стоит присоединиться к вашей банде, - добавила Алена, - у нас с владением ножом получше.

Вернув компанию к прежнему настроению с той же легкостью, что и раньше, она вдруг хмуро и напряженно замолчала. Оставшийся отрезок пути назад проведя в задумчивости, больше не участвовала в обсуждениях блюд на столе и способов их приготовления. Невольно помрачнели и воздыхатели – наверняка праздник омрачается их присутствием. Теперь наверняка всем троим необходимо держать язык за зубами, как бы хуже не сделать.

Чем они и занялись по приходу в номер. Набрав в рот воды, ребята неторопливо готовили костюмы к вечеру, чтобы сразу после подготовки переодеться в парадное и не терять на это драгоценное время. Ножи лежали наготове. Без труда пропустив друг друга в душ, они облачились в наиболее подходящие для готовки наряды в виде спортивных костюмов и, взявшись за рукоятки, повернулись к двери. Неожиданно обнаружив стоящую в проеме Алену, ребята замерли в тех же позах. А она, едва толкнув приоткрытую дверь, застыла от ужаса при взгляде на троих парней в спортивных костюмах, сжимающих рукоятки ножей.

- Мы на кухню, - мгновенно нашелся Костя.

- Колбасу почикать, - эхом отозвался Андрей, - или что доверят.

- Пару кур зарежем, на худой-то конец, - после паузы добавил Сергей, - не пугайся.

Девушка, с облегчением выдохнув, усмехнулась через силу:

- Что-то я уже... Показалось, что вы... По грибы собрались. А там дождь скоро.

- Да, не сезон вроде и намочнуть можно, - кивнул Сидоров, - за грибами мы бы лодку быстренько надули.

Алена не выдержала и засмеялась. Троица вздохнула с облегчением – на этот раз удалось не сказать чепухи, она улыбается.

- Ты проходи, присаживайся, - Костя гостеприимно махнул узбекским кинжалом внутрь комнаты, - хочешь, остатки чипсов тебе порежем?

- Нет, спасибо, - она продолжала улыбаться совершенно искренне, - я на секунду.

Они внутренне напряглись – внезапный и невероятный приход Алены прямиком в карантинную зону однозначно обещал перемены.

- Ребят, я вот зачем, - выдавливая каждое слово, начала она трудную речь, - думаю, что нам вчетвером стоит поговорить... Согласны?

- Конечно!

- Не вопрос!!

Петров молча смотрел на нее, что, как обычно, смущало еще больше. Хрустнув пальцами за спиной, девушка продолжила:

- Тогда давайте после ужина встретимся.

- Можно у нас, - Костя еще раз махнул ножом в направлении комнаты.

- Честно говоря, я предполагала там же, где сегодня сидели – на берегу.

- Темно будет, - сказал Сергей, - найдешь место?

- Там освещенная аллея рядом, и берег хорошо заметен оттуда. Я дойду, не волнуйтесь.

Сама.

Вы только держитесь вместе. Хорошо?

- Нам это по силам, - за всех ответил Петров, - договорились.

- Ну, тогда... Успешной вам атаки на овощи. И возвращайтесь все.

Сказав последнюю фразу без намека на шутку, девушка вышла в коридор. Ребята, помедлив, переглянулись.

- Слыхали? Пошли картошку рубать, - первым шагнул за ней Петров.

На пороге кухни сидел абсолютно деморализованный Вовчик. Весь его понурый вид показывал полную потерю контроля над ситуацией.

- Проблема? – недоуменно покосился на него входивший первым Сидор.

- Не ходите туда, - еле промямлил тот, - ужасное место! Там власть захвачена какими-то кухонными маньяками! Они напридумывали столько, что дюжине профессиональных поваров на неделю хватит работы!

- Опять Катька с Ольгой? – догадался Петров.

- Угу, - кивнул Вовчик, - а остальные у них в рабстве. Пашут хуже, чем на плантациях.

- Как раз что нужно, - кивнул Андрей, - пахать без оглядки. Тем более что у кое-кого перед местным начальством должок.

Иванов насупился, но промолчал, крутанув в руке нож, словно настоящий уркаган.

- Пойдем, Джакомушка, - не спеша махнул рукой вперед Петров, - у нас исправительно-трудовые работы на общественное благо.

- Хоть этот грешок замолишь, - добавил вполголоса Андрей; у Кости снова хватило терпения промолчать. В голове у него рисовались одна за другой радужные картинки вечерней встречи с неизменным призом самому ему. Тут можно и пропустить подколки конкурентов.

Переступив порог кухонного беспорядка, ребята обнаружили свою полную ненужность – никто из руководящих процессом приготовления ими абсолютно не интересовался. Немного осмыслив ситуацию, разглядели Алену, успевшую облачиться в фартук и выкладывавшую некий хитрый салат на большое блюдо. По виду косившейся на нее Даши, инструктаж уже прошел, и не в пользу последней – скорее всего, инструктируемая быстро утерла нос инструктору. Увидев ребят, вдохновленная готовкой девушка (оказывается, это тоже может вернуть душевное равновесие!) весело подмигнула, передав заразу своей бодрости.

- Пора устраивать поножовщину, - заключил вполголоса Костя, - ну-с, и где тут колбаса?!

- Сдавай оружие, - вдруг донесся сзади обреченный голос Кирилла, - тут, оказывается, своя банда. Всех парней заставляют таскать.

- Что и куда? – спросил ради поддержания разговора Андрей.

- Все туда и сюда, - был ответ.

- Беспредел, - заключил Сергей, тем не менее, сдаявая нож подошедшей Оксане, ожидавшей удобного шанса завладеть режущим предметом; как обычно, девушки, кроме самого необходимого в виде пары косметичек, вечернего, пары-тройки дневного и купального (на случай),

пенки для волос до и после (то же о загаре), пижамы, маникюрного набора, фена с халатом, комнатных тапочек и шапочек для душа, не взяли никаких лишних предметов.

- Н-да, - добавил Костя, - ужин нескоро.

Буйная девичья фантазия слабой стороны выпуска сегодня превратилась в непреодолимую силу, подчинившую себе голодные инстинкты абсолютно всех молодых людей. Даже полные отщепенцы вроде Арсения и Димы, обычно полностью погруженных в собственные изыскания, сейчас покорно исполняли любые пожелания кухонного начальства. Помещение в момент превратилось в армейскую кухню, где недельный наряд в виде всех, кто был способен держать в руках оружие, строгал, крошил и резал то, на что указывал начальственный перст. Те, чьи убеждения не позволяли держать в руках нож (и сдавшие его при входе) занимались переносом предметов интерьера в разные стороны. По мере возникновения дебатов в стане командования предметы меняли место прописки по нескольку раз. Молодые люди цокали и пыхтели, но приказы выполняли сносно – ради вожаемой посадки за стол они были готовы скорейшим образом вырыть траншею вокруг отеля, лишь бы поесть. В помещении царил хаос, движение частиц было настолько беспорядочным, что многие сталкивались; случилось даже два случая материальных потерь при подобных авариях. Первая была нанесена вероломным Сидоровым: некто, уверенно двигавший задним ходом стол для стыковки с уже нарождающимся составом из них же, слегка подтолкнул кормой балансирующего между тарелками с едой Андрея. Следуя зову организма поддержать равновесие тот, естественно, угодил ногой в транспортную тарелку из пластика с прекрасной копченой курицей. Части куриного тела, оскверненные таким бесцеремонным образом, пришлось отложить собачкам, пасущимся у стойки, зато виновнику привалило маленькое счастье – видевшая сценку Алена искренне посмеялась над ситуацией и одарила Сидора улыбкой и лучистым взглядом. Что касается второй потери, то она, кроме материальных издержек, принесла еще и порцию физических страданий: пострадал нос Толика, воткнувшийся в тарелку с зеленью неожиданно проплывающим вместе с Ивановым стулом. К счастью, в общем звоне и гвалте хруст носовых хрящей, изрядно смягченный петрушкой, не был слышен; однако, громко выраженное неудовольствие Анатоля побудило Петрова взять общее руководство под свой железный контроль. Взбравшись на подоконник, он смог наиболее полно оценить обстановку в зале и на подходах; поймав за руку проходящую мимо Катерину, пытавшуюся организовать сервировку как можно ближе к правилам придворного этикета, добился от нее плана рассадки и расстановки блюд. Наконец, в сплошном чирикании окружающих послышался его старшинский голос; все на секунду замерли. Путем отдачи словесных указаний с использованием элементов прапорщицкого жаргона и методом указания перстом с постукиванием кулаком по лбу для особо понятливых, он довольно быстро навел в казарме порядок. Состав из столов вырос почти мгновенно, ибо никто уже не мешал их таскать. Следом нарисовалась скатерть; словно настоящая самобранка, она начала секунда за секундой производить тарелки, вилки – ложки, блюда с едой и напитки. По мере заполнения появилось растущее племя бездельников, выполнивших свою работу и уличенного в хищениях со стола – они были мгновенно осуждены на надувание шаров и этапированы в отдельную комнату. Производственный процесс подходил к концу, и дамы закономерно начали покидать помещение для приведения себя в порядок, взяв с Сергея слово стоять до конца и сохранить накопленные закрома нетронутыми. Петров недальновидно кивнул и наконец-то слез с подоконника – войско распустилось, оставшиеся дотягивать лямку сосредоточились в шариковой надувальне. Несколько ребят во главе с Ивановым ретировались «подгладить костюмы», и лишь трое начали финальный этап – украшение помещения. В конце концов, надувальная штрафная команда устроила побег с целью наведения марафета, шары пришлось довешивать Сидорову и Петрову. К окончанию работ в двери начали заглядывать первые девушки; оживленно болтая, они, тем не менее, предпочли дождаться всех снаружи, поправляя макияж у зеркальной стены.

Повесив последние шарики, они присели на минуту передохнуть.

- Чего ждешь сегодня? – помолчав, тихо спросил Андрей, глядя за окно на угадывающийся в летнем вечере закат.

- Того же, что и ты. Сказали же – каждый сам за себя.

Они помолчали.

- Глупо как-то вышло, - вздохнул Сергей, - и будет очень смешно, если она всем троим скажет «до свидания» и укатит на родину.

- Да уж, - почесал затылок Андрей; выдержав паузу, тоже вздохнул. - Что же с нами будет?

- Что будет, то обязательно случится. Метаться и бояться поздно, - отрезал Петров и встал. - Идем. Сейчас начнут, опоздаем. Надо торопиться.

Они вышли и направились в номер.

Закончив с прической, Алена зашла в шумный зал и огляделась. За столом уже разместились около половины прибывших, но очень неравномерно – пустовал почти весь правый фланг. Она помедлила – хотелось подгадать так, чтобы сесть ближе к ним, но никого из ребят в ресторане еще не было. Побродив несколько минут, остановилась у окна понаблюдать за закатом, пробивающимся сквозь тучи; слегка порадовавшись тому, что прогноз на дождливую погоду обещал не сбыться, снова подумала о ребятах. Было бы легче, сядь они рядом; в крайнем случае, напротив. Во время подготовки она хорошо видела, насколько ребята заняты мыслями о предстоящей встрече – поначалу плавали по комнате как три тени отца Гамлета, такие же полупрозрачные, грустные и сосредоточенные. Еще раз проговорив в голове начало беседы на берегу, самые ответственные слова с непременным добавлением пожелания сохранения былой дружбы, ведь это самое главное, вдруг почувствовала щемящую тоску. Списав ее на неприятность разговора и окончание школы, глубоко вдохнула перед началом выпускного вечера.

- Алэн, ты чего там стоишь?! – донесся голос Оксаны, - иди к нам!

Садиться среди пустых стульев теперь было глупо и некорпоративно; шансы на совместную посадку уменьшились. Пришлось прибиваться к «своей» компании – девчонкам, с которыми успела подружиться за это время. Еще минут десять стоя потратив на болтовню, она украдкой оглядела стол – ребят по-прежнему не было. Стулья быстро заполнялись смеющимися выпускниками, и вереница занятых мест приближалась с каждой секундой. И вот, наконец, ввалилась большая толпа опаздывающих, среди которых встретились ищущие с нетерпением взгляды троих бывших друзей. Но, как только их глаза встретились, они застыли, как вкопанные, пораженные ее красотой. Небольшая завивка, немного макияжа для подчеркивания контура (что делало глаза еще более притягательными), облегающее стройную фигуру простое, но подобранное с огромным вкусом кофейное платье без глупых бантиков и блестяшек, калибра миди – ребята не могли пошевелиться. Безнадежно утонув в глубине ее красоты, они пропустили момент для занятия выгодного плацдарма – рядом с Аленой бесцеремонно плюхнулся Диман. Еще через минуту выяснилось, что нескольким девушкам не хватает стульев, и что они единственные представители пола, способного оные принести. Не посмев отказать, им пришлось тащить мебель; а к моменту возвращения оставалось только три свободных места в торце стола. Алена украдкой вздохнула – маневр не удался. Нет бы самой пересесть, да голова минут пять как кружилась... Три тучки уже начали было хмуриться, но коварный Бубновский вдруг заорал под ухом:

- Серег, садись за председателя во главе стола! А Костя с Андрюхой твоими замами побудут!

- Скотина, бубенец проклятый, - процедил сквозь зубы Сидор, следуя за председателем, - я тебе судебное заседание тут устрою!

- Держи себя в руках, - шепнул Петров, но начинавший кочегариться Сидор лишь скрипнул зубами.

Дойдя до почетных мест, Сергей с некоторым удовлетворением потрянул головой:

- Ладно, раз так. Банкет давайте считать открытым!

Вечер начался. Немного попереживав о дальней посадке ребят, Алена понемногу отвлеклась; сразу после пары коротких тостов от представителей родительства и учительства началось подобие культурной программы. У всех было домашнее задание – от каждого класса по пародийной сценке и еще какому-нибудь трюку или номеру. Выступивший в роли конферансье физрук, успевший где-то слегка подготовиться к вечеру, сыпал неплохими шутками направо и налево; номера следовали один за другим, не давая лицам расслабиться от предыдущих улыбок. Изредка глядя на сидящий вдалеке секретариат, девушка невольно чувствовала, как края губ все же опускаются – председатель и заместители активно играли в царевну Несмеяну, пообещавшую жениться на той, кто их развеселит. А так как единственный кандидат (как казалось с торца стола) совсем не обращает на них внимания, то поводов для радостей не было вообще. На Алену начал наплывать знакомый дискомфорт, помешанный с подташниванием от тяжести грядущей беседы, и без того измотавшей душу...

А тут еще оказалось, что Бубен пристулился рядом вовсе даже неслучайно. Сначала ненавязчиво помог с наполнением тарелки, потом без предупреждения подло налил шампанского – все вроде бы вписывалось в рамки приличий. Однако, немного погодя, его усердное обслуживание стало немного переваливаться через край тарелки, ибо плавно грустнеющая девушка ела все меньше и меньше; к бокалу притронулась лишь раз, едва пригубив напиток для первого тоста. Алена заметила, что он сильнее и сильнее пытается завязать разговор, а сидящая справа от него Ксения отнюдь не страдала от избытков в тарелке и гусарской болтовни. Почувствовав неладное, она снова покосилась из-за вазы с цветами на конец стола – несмеяны сидели, словно женихи на свадьбе, еле ковыряя в тарелках по куриному крылышку. Аппетит бывших друзей, как и настроение, стремительно убывал. Особенно после того, как самый непредсказуемый из них – Сидоров – умудрился разглядеть особое почтение, оказываемое Алене соседом справа. Тут она впервые увидела то самое выражение лица, по которому потом часто понимала намерение Андрея залезть в какую-нибудь переделку: оно стало каменным; абсолютно без эмоций, слегка сверху вниз, он без интереса смотрел на Диму, совершенно не моргая расслабленными глазами. Девушка поняла очень внятно – стоит что-то сделать не так, и сбудется все, о чем сейчас больше всего думает симпатичный ее душе агрессор; Бубновский не унесет ног, а зубы в лучшем случае в кармане – репутацию Сидора как быстрого и жесткого бойца она услышала в классе неоднократно. Хорошо еще, подумала Алена, что никому не сказал – двое других и так нервничали больше обычного. Сергей еще как-то держал себя в руках (отчасти благодаря тому, что получал в этот вечер гораздо больше внимания, чем соседи), но и в его взгляде чувствовались нотки тревоги. Костя из всех сил напускал на себя дипломатическую неприкосновенность вместе с видимостью полнейшего равнодушия к происходящему и разделявшему их расстоянию, но находился на пределе возможностей. Еще немного погодя, когда представление было окончено, и объявлена музыкальная пауза, Дима внезапно активизировался, засыпая Алену вопросами, принуждавшими к ответу. Так хотелось сказать, что её не интересует данное общение, но подбираемые слова казались ужасно тупыми; как назло, нужная острота ума не приходила. К концу перерыва некоторые успели слегка потанцевать или попарно прогуляться; Алена же была вынуждена сидеть здесь и выдавливать из себя слова вежливости. Очередная проверка состояния троих страждущих показала, что от невозможности встать и решить проблему немедленно Сидоров начал падение в состояние тихого бешенства – держась несколько минут, он либо бросал вилку в тарелку, либо начинал ей же яростно ковырять лист салата, злясь на его подлейшую неподцепляемость.

А Диман плевал с высокой колокольни на невидимые никому и понятные лишь соседке переживания и делал, что хотел. Он видел, что Алене и во сне не нужны такие настойчивые ухаживания, но по-прежнему упорствовал. Надо было отдать ему должное – язык был подвешен неплохо, вовремя остановился с предложениями салатов, да и вообще внимание при-

ятно. Но плачевная ситуация, складывавшаяся неподалеку, перечеркивала все положительные моменты. Полнейшая трагикомедия началась поздним вечером: выпускники покинули банкетный зал и переместились на танцпол, забежав в номера на пару минут переодеться в более неформальные одежды. Алена не стала изобретать колесо, облачившись в обычные заниженные джинсы и майку; прихватив для прогулки легкую куртку, она быстро сбежала по лестнице вниз. Зайдя в помещение с гремющей музыкой, едва разглядела три тени, сидевшие с понурым видом на отшибе. Они тоже переоделись: Сидоров также в джинсы со своей любимой укороченной джинсовой курткой, Костя предпочел летние брюки с рубашкой. Сергей сидел в темном углу, и его наряд трудно было разглядеть – едва угадывалось по очертаниям, что на торс была натянута темная майка, тесно облегающая мощные плечи. Начинать надо было с него – Алена хотела покончить с темой как можно скорее. Сделав шаг по направлению к ним, неожиданно поняла, что попала в засаду; Бубновский тут как тут предложил потанцевать, благо медленная мелодия только начиналась. И здесь же, не давая сказать ни слова, подхватил за талию, уложив руки к себе на плечи. Со стороны трех напрягшихся в полутьме фигур могло показаться, что она сама это сделала, и только поэтому (вот ведь парадоксы девичьей души!), чтобы не устраивать скандал и сохранить глупцу здоровье вплоть до беседы, пришлось дотанцевать. За время танца из них в зале остался только Сергей – слабонервные покинули помещение. Потом затащили к себе подруги; коротая время до прихода ребят, Алене удалось немного от души потеряно потанцевать. Тут и началась комедия положений: они по очереди входили и выходили, а она никак не могла улучшить момент, незаметный для окружающих – было такое впечатление, что все парни класса напоследок считали своим долгом потанцевать именно с ней. Из сидящих же периодически был приглашаем любимец одноклассниц Иванов, да по разу вытащили Сергея и Андрея. К ним было еще несколько предложений, но почему-то они были отклонены. Костя, для поддержки репутации, не отказал никому, поэтому хоть немного успокоился. Но злобный пузырь под названием «Андрей» надувался ещё больше, потому что вероломный Дима приглашал девушку не раз, не два и не три – всякий раз, когда тот видел, что от нее отходит очередной кавалер, тут же оказывался рядом. Петров и Иванов всё чаще переглядывались, хмурясь больше с каждой минутой – казалось, что теснивший их небольшие пузырьки злобы Сидор лопнет, оглушив всех, и ударные волны обрушатся на ничего не подозревающего конкурента, перемалывая все подряд косточки. Упорство и назойливость этих волн они знали отлично – Андрей не слыл отпетым хулиганом, но стоило его разозлить, и редко кому из сверстников удавалось эффективно ответить. Именно поэтому Петров первым решил нарушить молчание и временно забыть о ссоре. Он оторвался от кресла и подсел к буяну:

- Андрюх, последнее испортишь своим бешенством. Сам потом локти будешь кусать.

- Всё равно уже! – огрызнулся тот, - не притворяйся слепым, сам же видишь, что они там вытворяют! Башку откручу!

- Не будь идиотом, - от резкого сидоровского тона начал заводиться Сергей, - всё портишь! Что, подождать силенок не осталось?!

- Не осталось! Идиот ведь! – огрызнулся Сидоров, - отстань!

- Отстану, - сквозь зубы процедил Сергей, - а ты продолжай на те же грабли наступать!

Может, мозги на место повернутся!

Костя, сидевший неподалеку, закрыл глаза, продолжая мерно покачивать ножкой – но внутри царил полнейший хаос. Волнами накатывали необычайно сильные ощущения тревоги, горя и надежды. Внешние признаки спокойствия были лишь с трудом наведенным камуфляжем; давно раскусив коварство Бубновского, он ни на секунду не выпускал его из прицела, отслеживая также перемещения девушки. Медленное поджаривание становилось более и более невыносимым.

После слов Сергея Андрей вдруг поник. Неожиданно он остро проникся тем, что ждало впереди. Алена вела себя именно так, словно хотела сказать им – всё, ребята. С вами было

весело, но у меня другая жизнь и другие интересы. А вы – всего лишь маленький черный эпизод из нее, и лучше бы никогда не встречались. Конеч. Терпение вдруг закончилось, и от нахлынувших открытий стало так больно... Жизнь за пределами его пространства текла так же, как и минуту назад, играла музыка, все танцевали и смеялись, а она по-прежнему была где-то, не выказывая никакого желания подойти. Всё правильно, по-другому и быть не могло. Я, оказывается, всего лишь осел из зоопарка, которого красавица покормила морковкой, а тот и рад пустить слюни... Все кончено, да и встречаться ни к чему. Прощай, Алена.

Андрей, тяжело поднявшись, на ватных ногах побрел к выходу. Натыкаясь в сумерках на ребят, без извинений и других слов, наконец-то нащупал ручку входной двери и толкнул ее от себя. В лицо и грудь ударил тугой и свежий поток воздуха; дверь с трудом открывалась – снаружи встречало именно то, что было нужно. Начинавшийся шторм обещал выдуть из головы дурные мысли, захотелось скорее туда – в грозно шумящий ветвями лес. Он, широко открыв глаза, бросился в темноту...

Оставив, в конце концов, приличия в стороне, Алена, осознав крайнюю необходимость отбросить стягивающие условности, решительно отказала подряд двоим одноклассникам в совместном танце и, немного оглядевшись, напрямик подошла к сидевшим без движения двум теньям, в которых по фигурам и прическам угадывались Сергей и Костя. По пути повертев головой, она не смогла обнаружить правильный череп с аккуратной стрижкой, принадлежавший Андрею; терпения более не оставалось, и девушка подумала, что им будет проще найти Сидорова. Подойдя, села на стул с петровской стороны.

- Простите, что затянула так...

- Ничего страшного, Ален, - очевидно сделав над собой усилие и даже не цыкнув на друга, натужно поддержал Петров, - это всего лишь признаки твоей неординарности. Ты очень хорошо танцуешь!

- Спасибо. А где Андрей?

- Только что на улицу вышел, - пожал плечами Костя, - подышать, наверное. Душно здесь. Алена помолчала, подбирая слова приглашения. Они замерли в ожидании.

- Через десять минут я буду на месте, - вставая, сказала она, - найдите, пожалуйста, Андрея. Приходите втроем. Хорошо?

- Конечно! Десять минут. Идем, Серег, поищем...

Наконец-то свершилось! Вот оно то, ради чего они терпели весь вечер, голодали и переживали. Осталось немного – быстро найти этого башибузука Сидорова и втроем проследовать вслед надежде; каждый немного верил в свою удачу. Думали и о поражении, но постольку поскольку. Хотя Петров в глубине души подозревал, что если кому-то и достанется корона, то не ему – уж слишком прозрачно девушка намекнула на предпочтения. Или, мало ли, показалось... Надежда есть всегда, пусть слабая и немощная, и прозрачная – но есть! И Сергей, вдохновленный ивановским оптимизмом, без оглядки последовал вперед на поиски потери, ничуть не удосужившись подняться в номер за чем-нибудь противождливый – просто в голову не пришло. Какое там! Судьба должна была решиться через несколько минут, а ты последний в очереди, тут забудешь не только о куртке; выйдя на улицу, они начали тупо и без усердия бродить по аллее в поисках Андрея, даже не подавая звуковых сигналов о приближении спасательной команды.

Забежав в номер, девушка наспех постаралась привести себя в порядок, для простоты нещадно скрутив завивку в хвост и наскоро подведя губы. Потом вдруг медленно осела в кресло, запустив пальцы в свежеложенные волосы. Ей оставалось совсем чуть-чуть, и неожиданное сумасшествие закончится; вот тут-то и пробило нечто. Она не понимала, что происходит, и почему вместо спокойной решимости сейчас душу бушуют сомнения и терзания? Нет, не из-за слов, которые были приготовлены давно и перепроверены на миллион раз. Они вроде бы обычные парни, и что такого происходит экстраординарного, что перед заготовлен-

ной беседой так колотит и кружится голова? Чертовщина. Нет ведь никакой любви; я знаю, что это такое, были знакомы, кажется... Но сейчас что-то не то. Неумолимо тянет к ним, ведь они имели такую шикарную дружбу – прямо, как у Ремарка! И не думала, что в жизни так бывает! А тут где-то вдали от Европы, в снегах, которых не застала, оказывается, есть нечто очень похожее. Что-то не то. Слова давно заготовлены, но язык отказывается поворачиваться. Надо, надо сказать, что никакой любви нет – но расставаться навсегда нежелательно. И, с другой стороны, какая может быть дружба с людьми, которые тебя безответно любят? Опасно. Но лучше это, чем ничего. Так не хочется расставаться почему-то, хоть они и потеряли все. Может, это просто комплекс вины за разрушение их дружбы? Нет... Не только.

Решительно расставшись с терзаниями, Алена быстро доделала необходимые манипуляции и выбежала в коридор.

- Ты куда? – крикнула вслед по комнате соседка Оксана, бессильно дошагивавшая последние метры до своей кровати, стоявшей торцом к алениной.

- Прогуляюсь перед сном, - резко развернувшись на бегу, Алена встала, как вкопанная, виновато глядя на нее.

- Ладно, - растерянно пожала плечами та, - к утру будешь?

- Полчаса. Мне хватит полчаса.

- Ну, давай. Не шуми, я спать буду, хорошо? Оля там? Ладно, спокойной ночи.

- Спокойной...

Алена со всех ног кинулась к лестнице – времени оставалось в обрез. Выскочив на улицу, чуть не задохнулась от ударившего в лицо теплого потока – ветер крепчал с каждой минутой, нещадно обламывая ветви деревьев того самого леска неподалеку, который стоило преодолеть на пути к берегу. Глянув на часы, девушка, стряхнув накативший суеверный страх перед темнотой и начинающимся разгулом стихии, шагнула вперед. Бежать было опасно, слишком плохо было видно. Пару раз споткнувшись, она наконец-то начала что-то различать в темноте. Дойдя до аллеи, сделала еще одно неприятное открытие: во избежание неприятностей с электричеством во время грозы, администрация гостиницы выключила фонари. Беспомощно оглянувшись по сторонам, она выбрала тень, максимально похожую на необходимую просеку; собравшись с духом, сделала несколько шагов в темноту, как вдруг с ужасом почувствовала чью-то руку на плече. Вскрикнув, Алена обернулась – едва различимый, рядом стоял вечный сегодня Бубновский.

- Прости, не хотел напугать, - перекрикивая ветер, пояснил он, - не дозовешься тебя!

- Ты что, шел за мной всё это время?! – недовольно удивилась она.

- Мне надо с тобой поговорить!

- Дима, мне некогда! Прости! – не говоря больше ни слова, девушка повернулась к лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.